

СПЕЦВЫПУСК

ДЕКАБРЬ/2019
УКРАИНА

№12 (165)

ОБРАЩЕНО ЭТНО

СЕКРЕТЫ ВОЙНЫ

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Полковник Сергей (Роман) Сергеев «Сын полка. После боя»

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ВОЙНЫ

4

Кто проиграл
Сталинград?

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

12

С фотокамерой
в аду

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

14

Молодая Гвардия

СЕКРЕТЫ ВОЙНЫ

6

Заминированная
Москва

Германию к войне готовил СССР

Н. ЕЛИСЕЕВА

Кандидат исторических наук

Рапалльский договор, подписанный 16 апреля 1922 года, предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений между РСФСР и Германией. В Москве и Берлине прошла серия переговоров, результатом которых стала концепция двустороннего сотрудничества. Были предусмотрены обмен делегациями для участия в маневрах и военных учениях, обмен группами офицеров для обучения в военно-учебных заведениях, строительство и испытание военной техники (танков и самолетов), различные военные поставки.

Особенно активно советско-германские отношения развивались в период с 1924 по 1932 год. В это время в Германии постоянно находились группы от трех до десяти человек, среди которых были такие крупные военачальники, как Р.П. Эйдеман, И.П. Уборевич, В.К. Триандофилов, И.Э. Якир, А.И. Корк, А.Н. Тодорский, М.Н. Тухачевский.

Полпред Советского Союза Н.Н. Крестинский в своем письме заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову от 18 января 1927 года, оценивая перспективы советско-германского сотрудничества, отмечал: «Нам посещение германских маневров, слушание лекций в Германской академии очень полезно. Это признавали все без исключения военные товарищи, приезжавшие сюда... То, что мы предоставляем немцам в обмен, нам ничего не стоит, так как все они оплачивают за свой счет, а в глубинах СССР легко найти незанятое место для всякого рода школ и других небольших немецких учреждений». В своей оценке Н.Н. Крестинский исходил из того, что для советских военных специалистов в первую очередь представляли интерес оперативные и тактические разработки, направления развития военной техники и вооружения, а немцы были заинтересованы в использовании базы советской летной и танковой школ для подготовки кадров.

В соответствии с советской военной доктриной того времени Германия не рассматривалась как возможный противник. Прямое военное нападения ожидали со стороны Польши – осенью 1932 года проходили крупные маневры рейхсвера, на которых отрабатывались тактические приемы боевых действий на восточном (польском) фронте. На этих маневрах присутствовала большая советская военная делегация во главе с замнаркомом обороны М.Н. Тухачевским.

Анализ многочисленных документов, сохранившихся в Российском государственном военном архиве (РГВА), позволяет сделать вывод, что немцы вопреки Версальскому договору на протяжении ряда лет создавали и укрепляли свои вооруженные силы. В частности, командиры РККА, находившиеся в Германии, знали, что на базе различных испытательных станций велись разработка и строительство опытных самолетов военного образца, на аэродроме в Темпельсдорфе видели самолеты-разведчики, истребители и бомбовозы, но назывались они почтовыми или любительскими и принадлежали частным лицам. На территории Советского Союза (в Москве на заводе в Филях, в Липецке и Казани) в рамках военного сотрудничества испытывались опытные образцы самолетов и танков, вооружения и снаряжения, шла подготовка летного состава, военных специалистов. Интересный факт: во многих документах, которые готовились на уровне Наркомата обороны, эти заводы назывались не иначе как «объекты наших друзей», а в годы войны их не подвергали бомбежкам.

С приходом к власти Гитлера советско-

германские отношения продолжались. Из документов РГВА следует, что во второй половине 1933 года на учебе в Штутгарте находилась большая группа офицеров Красной Армии. В нее входили В.Н. Левичев, М.К. Левандовский, В.М. Примаков, С.П. Урицкий. Но в целом, конечно, был взят курс на свертывание сотрудничества. В феврале-марте 1933 года были допущены грубые нарушения международных норм: акт произвола в отношении советских граждан – представителей хозяйственных организаций. Наши военные отмечали «крайнюю нервозность всей обстановки». Посол Н.Н. Крестинский, более 10 лет поддерживавший сотрудничество между рейхсвером и Красной Армией, в июне того же года писал: «дружественным уверениям германского правительства верить нельзя», «в более отдаленные политические планы Германии входит война с нами...». И тем не менее до 1940 года по линии Аэрофлота практиковался обмен делегациями, в которых непременно присутствовали военные; до 1941 года через отдел внешних военных заказов Наркомата обороны шли закупки различной военной техники и оборудования. Контакты продолжались...

ДОКЛАД (О СОТРУДНИЧЕСТВЕ Р.К.К.А. И РЕЙХСВЕРА)

Переговоры о сотрудничестве между РККА и рейхсвером, поскольку мне известно, начались еще в 1922 году (точных данных в IV-м Управлении не имеется). Переговоры в то время велись членом РВС Союза тов. Розенгольцем и после длительного обмена мнениями осенью 1923 года приняли конкретную форму договоров:

а) с фирмой «Юнкерс» о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода;

б) с командованием рейхсвера о совместной постройке завода по выделке иприта (акционерные о-ва «Вико», «Метакхим», «Берсоль»).

Далее в 1924 году через фирму «Метакхим» был принят нашей промышленностью от рейхсвера заказ на 400.000 снарядов для

полевых 3" орудий.

Вышеуказанные договоры... не дали для нас положительных результатов. Фирма Юнкерс не исполнила взятые на себя обязательства... Договор о совместной постройке ипритного завода также пришлось в 1927 г. расторгнуть...

Заказ рейхсвера на 3" снаряды нами был исполнен и снаряды в 1926 году переданы немцам... Дело с этими снарядами, как известно, принесло нам большой политический ущерб, так как факт изготовления нами снарядов для Германии, по вине самих немцев, известен немецким социал-демократам, которые (поскольку нам известно) с благословения Штресемана подняли против нас большую кампанию в прессе.

Таким образом, первый период нашего сотрудничества с рейхсвером нам никаких положительных результатов (я не говорю о чисто политической стороне дела) не дал.

Начиная с 1925 года... сотрудничество постепенно переводится на другие рельсы.

Если договорами 1923 года немцы... стремились стать поставщиками для нас в области авиации и химии и обеспечить за собой влияние на соответствующие отрасли нашей промышленности, то с этого времени они «более всего заинтересованы в том, чтобы вскоре приобрести еще большее влияние на русскую армию, воздушный флот и флот». Речь, как видно, идет о влиянии на организацию и тактическую подготовку нашей армии.

В связи с этим немцы еще в 1925 году соглашались допустить 5 наших (на взаимных началах) командиров на свои тактические учения в поле и маневры, а в 1926 году уже ставят вопрос о совещании по оперативным вопросам, с целью выработки единства оперативных взглядов...

В том же году немцы заключают с нами договор об организации танковой школы в Казани и совместных газовых опытов в Подосинках (ныне «Томка»).

В настоящее время наши взаимоотношения с рейхсвером имеют конкретное выражение:

а) взаимного ознакомления с состоянием и методами подготовки обеих армий путем командировки лиц комсостава на маневры, полевые поездки и на академические курсы;

Молотов подписывает договор, за ним Риббентроп, справа Сталин

б) в совместных хим. опытах (предприятие «Томка»);

в) в совместной организации танковой школы в Казани («Кама»);

г) в авиационной школе в Липецке («Липецк»);

д) в командировании в Германию для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией работ ряда представителей отдельных управлений (УВВО, НТК, Аэроуправления, Главсануправл. и др.).

1. Переходя к оценке отдельных видов сотрудничества, необходимо сказать, что наиболее ощутимые результаты нам дают поездки нашего комсостава на маневры, полевые поездки и академические курсы в Германии...

2. Существующие предприятия пока что нам реально дали немного. Наиболее старое предприятие – авиационная школа в Липецке до 1928 г. нами использовалась слабо. Эта школа организована немцами в 23–24 г.г., имеет целью не только подготовки летного состава, но и опытно-исследовательские цели. Школа первые два года была материально слабо обеспечена, имела старые самолеты и работа для нас особого интереса не имела. Начиная с 1927 года школа стала работать и наш интерес к ней возрос. Все расходы по организации, оборудованию и содержанию школы несут немцы.

3. Химические опыты в «Подосинках», а затем в «Томке», дали положительные результаты и продолжение этих опытов в течение ближайшего года Химуправлением признается целесообразным. Цель этих опытов – испытание новых приборов и новых методов применения О.В. (артиллерия, авиация, спец. газометы и т.п.), а также новые способы и средства дегазации зараженной местности. Расходы по опытам оплачиваются поровну.

4. Танковая школа в Казани до сих пор еще не начала функционировать; занятия в ней начнутся, по заявлению немцев, лишь с весны 1929 года, когда будут из Германии доставлены необходимые для школы танки. Пока

что немцы в течение двух лет отстроили и оборудовали школьные помещения, мастерскую и учебное поле. Из этого предприятия мы сможем извлечь пользу лишь с начала занятий, так как имеем право на паритетных началах иметь равное количество учеников. Оборудование школы и содержание, за исключением предполагаемых наших учеников, оплачивается немцами.

На организацию и содержание вышеуказанных предприятий немцы тратят крупные суммы денег; нам неизвестна точная цифра расходов... но расходы по «Томке» (химопыты) уже достигают миллиона марок, расходы по организации и содержанию танковой школы выше 500.000 марок, а расходы по Липецкой школе, считая оборудование, свыше миллиона марок. Если учесть прежние расходы рейхсвера в виде дотации Юнкерсу по линии сотрудничества с нами и потерю рейхсвера около 20.000.000 марок на деле Штольценберга (ипритный завод), то нужно сказать, что материальные затраты рейхсвера на «предприятия» в СССР весьма крупны и до сих пор не оправдывались теми конкретными результатами, которые дают эти предприятия.

Нет сомнения, что все немецкие предприятия, кроме прямой своей задачи имеют также и задачу экономической, политической и военной информации (шпионажа). За это говорит хотя бы то, что наблюдающим за всеми предприятиями состоит такой махровый разведчик герм. штаба, как Нидермайер. С этой стороны предприятия нам приносят определенный вред. Но этот шпионаж по всем данным не направлен по линии добычи и собирания секретных документов, а ведется путем личного наблюдения, разговоров и устных информаций. Такой шпионаж менее опасен, чем тайный, ибо не дает конкретных документальных данных, а ограничивается лишь фиксированием виденного. Немцы имеют на территории нашего союза более чем достаточно людей, при помощи которых они могут организовать прекрасную тайную разведку, вследствие чего удаление с нашей территории немецких предприятий в смысле уничтожения немецкого шпионажа дает чрезвычайно мало.

До начала 1928 года (приезд полковника Миттельбергера) отношение немцев к сотрудничеству было выжидательное и довольно прозрачно отражало все те колебания между востоком и западом, которые наблюдались в германской внешней политике. «Военное сотрудничество» Советским Союзом для германской дипломатии было лишь козырем в переговорах с Францией и Англией. Однако, с началом нового сближения между Англией и Францией (начало 1928 г.) и крахом немецких надежд на благоприятное для Германии решение репарационного вопроса и «рейнской проблемы» (очищение от французских и бельгийских войск рейнской зоны) отношение руководящих кругов рейхсвера к вопросу сотрудничества с РККА постепенно меняется... Конечно, сейчас еще рано говорить о серьезном длительном курсе на восточную ориентацию, но неудачи немцев в попытках договориться по репарационным вопросам и по вопросу освобождения от оккупационных войск рейнской зоны, очевидно, будут «восточную ориентацию» укреплять. Этим и объясняются новые предложения командования рейхсвера об «урегулировании и расширении» сотрудничества обеих армий, предложенные через Нидермайера и тов. Корка.

Конкретно эти предложения сводятся к следующему:

1. Замена личного состава предприятий, состоящего из офицеров запаса, квалифицированными офицерами активной службы в рейхсвере.

2. Открытие весной 29 года танковой школы в Казани и доставка туда новых тяжелых и средних немецких танков последней конструкции.

3. Заключение договора о газовых опытах и расширение этих опытов. Доставка из Германии хим. снарядов и 4-х полевых гаубиц для опытной стрельбы.

4. Присылка радиостанций для увязки работы танковой школы в Казани и Липецкой школы, воздушная связь между школами и проверка действия радиостанций на самолетах, на более далекие расстояния, чем позволяет липецкий аэродром.

5. Постепенное сближение морских штабов обеих государств путем поездки представителя наших морских сил в Германию

или представителя германского флота в Москву, установление личного знакомства между ответственными руководителями обоих флотов, обсуждение некоторых общих проблем и т.д.

6. Контактное разведывательной деятельности обеих армий против Польши, обмен разведывательными данными о Польше и встреча руководителей обеих разведок для совместного рассмотрения данных о мобилизации и развертывании польской армии.

7. Совместная работа конструкторских сил в области артиллерии и пулеметного дела с использованием достижений в этой области как германской, так и нашей промышленности, при условии равноправного использования результатов этой конструкторской работы (предложение, переданное через проф. Шмица).

8. Продолжение взаимных командировок на маневры, полевые поездки, допущение наших командиров на последний курс военной академии рейхсвера, проезд нескольких германских офицеров для стажировки в наших частях.

Кроме того, фирма Юнкерс в частном порядке подняла перед нашим военным атташе в Берлине вопрос относительно возобновления своей работы в СССР; в частности, о постройке авиазавода на концессионных началах. Свои предложения фирма Юнкерс согласна конкретизировать, если будет дан принципиальный ответ о нашем согласии на переговоры...

Начальник IV управления штаба РККА (Берзин)

«24» декабря 1928 г.

г. Москва.

Отп. в 6 экз.

ИЗ ДОКЛАДА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА РККА М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В РЕВВОЕНСОВЕТ СССР О РЕЗУЛЬТАТАХ ИЗУЧЕНИЯ РЕЙХСВЕРА ВО ВРЕМЯ ОСЕННИХ МАНЕВРОВ 1925 г.

г. Москва 2 октября 1925 г.

Настоящим предоставляю предварительный доклад о результатах изучения германского Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. Исчерпывающий доклад, охватывающий все детали тактики и техники различных родов войск, с подробным описанием всех учений и маневров, будет представлен дополнительно.

Состав и политическая характеристика.

Германское командование очень хорошо следило за тем, чтобы мы не вступали в общение с солдатами. Было установлено и тайное наблюдение. Так например, во всех группах шоферы, как мы убедились, понимали по-русски, но отрицали это. Лишь с офицерами можно было говорить открыто.

Вследствие того, дать исчерпывающую картину политического состояния рейхсвера для нас затруднительно.

Дисциплина в солдатской массе твердая и глубоко засевшая. Грубого обращения с солдатами со стороны офицеров я не замечал, со стороны же унтер-офицеров видел. Солдатский состав в подавляющей массе совершенно молодой, благодаря различного рода обходам 12-ти летнего срока службы. Одиночное обучение выдающееся.

Унтер-офицерский состав опытный, имеющий стаж империалистической войны. Пользуется большим авторитетом и в солдатских и в офицерских кругах. Очень самодетелен и предприимчив в бою.

Офицерский состав почти сплошь состоит из кавалеров ордена «Железного креста». Только молодые лейтенанты не были на войне.

Бросается в глаза громадный процент аристократов среди офицеров как строевых, так и генерального штаба, чего, по отношению к генштабу старой германской армии не было. Принадлежности к той или другой партии выяснить не удалось.

В офицерских кругах бросается в глаза упадок духа, как следствие безвыходного положения Германии после версальского мира. Все мечтают о каком-то «мессии» —

сильном человеке, который сплотит все партии и восстановит германское могущество. С особой ненавистью относятся офицеры к социал-демократам. Один из сопровождающих нас офицеров говорил, что если бы он был рабочим, то вступил бы охотнее всего и в партию Гитлера, а во вторую очередь в компартию. Социал же демократов он охарактеризовал как партию не соблюдающую интересов рабочего класса и не дающую возможность восстановить германское могущество.

Упадок духа поддерживается еще и тем обстоятельством, что в сотысячном рейхсвере служебные перспективы безнадежны. В одном и том же чине сидят чуть-ли не десятки лет. Многие на войне занимали более высокие должности, чем сейчас.

Упадок духа влечет за собой бездушное отношение к военно-научным вопросам. Германские офицеры, не исключая и большей части генерального штаба, ничего не читают, кроме уставов.

<...>

Отношение населения к рейхсверу с каждым годом улучшается и интерес к военному делу повышается. На маневрах войска сопровождаются тысячами народа из города и деревни. Всех их не только допускают близко, но и объясняют, что происходит. Это своего рода вневойсковая подготовка. На маневрах в большом числе присутствуют фашистские организации, которые изучают военное дело. Офицеры вводят их в круг обстановки и тренируют их таким образом.

Войсковые парадные церемонии привлекают десятки тысяч народа.

Поется: «Deutschland, Deutschland uber alles».

<...>

Германские офицеры, особенно генерального штаба, относятся одобрительно к идее ориентации на СССР. В начале об этом говорилось, но довольно глухо, а при прощании — немцы старались внушить нам мысль о том, что они считают нас своими неминуемыми союзниками и что это является единственной их надеждой для выхода из того безвыходного положения, в котором они сейчас находятся. Насколько искренне все это — трудно судить ввиду того, что на маневрах немцы далеко, не все желали нам показать. В частности нас не допускали на разборы маневров и не давали верховых лошадей, очевидно с целью сократить объем нашего наблюдения.

(М. Тухачевский)

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ГЕРМАНИЮ КОМАНДИРА И ВОЕННОГО КОММИСАРА 5-ГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА А.И. ТОДОРСКОГО.

15 октября 1928 г.

<...>

Характеристика партий в устах офицера (подлинно).

1) Националисты. Входят: помещики, крупные немецкие капиталисты, бывшие офицеры, крупные чиновники, зажиточные крестьяне. Лидер — Удернберг. Убеждения монархические. Ориентация — круги, близкие к рейнской промышленности и связанные с капиталом запада, на запад: остальные приемлют восток (только без коммунистов), как противовес западу. К рейхсверу отношение хорошее (держат связь через бывших офицеров, помещиков — главным образом).

2) Партия германского народа. Входят: торговая буржуазия, чиновники, частично мелкая буржуазия (крестьяне). Лидер — Штресман. Ориентация — лавирование. К рейхсверу отношение хорошее.

3) Католическая партия (центр). Входят католики разных классов и слоев. Ориентация на папу. Заветная мечта — присоединение Австрии. К рейхсверу отношение очень хорошее.

4) Демократическая партия. Входят еврейские капиталисты, торговцы, частично — интеллигенция.

Лидер — Кож. Два последних военных министра — Гесслер и Гренер — члены ее. Ориентация на ту страну света, где можно больше заработать, но к рейхсверу относятся хорошо.

5) Национал-социалисты или фашисты. Главным образом, молодежь. Есть ориентация на запад, есть и на восток. К рейхсверу относятся хорошо.

Примечание. Военным союзом этих правых партий является «Стальной Шлем».

6) Социал-демократы. Партия утомленного народа. Входят рабочие, мелкие буржуа, учителя. Ориентация на запад, против востока. Лидеры — большие партийные вожди, но плохие политики и вообще трусы. Брать на себя ответственность не могут. В революции могли бы победить, но были нерешительны и побоялись власти. В решающий для Германии момент у власти не будут; при рассмотрении серьезного вопроса от голосования воздержатся, чтобы оставить себе лазейку. Рабочие социал-демократы хотят быть мелкими хозяевами и революции боятся...

Будущего Германии социал-демократы не дадут. К рейхсверу относятся недружелюбно...

7) Коммунисты. Рабочие. Ориентация на СССР. К рейхсверу относятся враждебно. Коммунизм не соответствует духу германского народа; даже и рабочие-немцы стремятся быть мелкими хозяевами. Это — выходцы из других народов (поляки, венгры, евреи) и только часть немцев-идеалистов. Особо благоприятная почва для них в Саксонии, где кричащее неравенство между крупными помещиками и капиталистами и рабочими. В саксонскую промышленность в конце XIX века влилось много пришлого элемента, из него и комплектуются коммунисты. Саксонцы вообще плохие солдаты и саксонцы-коммунисты рассчитывают, что за них будет воевать Россия. Среди коммунистов депутатов парламента более половины евреев. Наши коммунисты непохожи на московских: у них нет ни одной своей идеи, к ним идет всякий сброд. Ганноверская коммунистическая газета часто отмечает неблагоприятное как в партийных классах, так и в военном союзе коммунистов — «Союзе красных фронтовиков».

Отношение к СССР и представителям Красной Армии.

Офицер-переводчик высказал такое мнение о внешнем положении СССР: «Вы непобедимы в силу сопутствующих вам трех факторов: 1) у вас единая партия; 2) уставшая Европа вынуждена дать вам большую передышку, а время работает на вас; 3) у вас новый народ. Вам беспокоиться нечего».

Вообще же о положении СССР большинство офицеров информировано плохо (немецкая печать достаточного материала не дает). Офицерство ориентируется на СССР, как на союзника в борьбе с Польшей и частично с западом. ■

А.И. Тодорский

Кто проиграл Сталинград?

Н. ЕЛИСЕЕВА

Специально для «Совершенно секретно»

Есть события, интерес к которым не исчезает с годами. Завершившееся семьдесят шесть лет назад, 2 февраля 1943 года, сражение на Волге – из их числа. До сих пор о нем снимают фильмы (не всегда, правда, удачные – вспомним голливудскую ленту «Враг у ворот»). Наше представление о Сталинграде давно сформировалось. И вряд ли после таких книг, как «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова и «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, оно может принципиально измениться.

А как немцы расценивали свое крупнейшее поражение?

Прежде всего – винули румынских союзников. При штурме Сталинграда роли в гитлеровском лагере распределились следующим образом: немецкая 6-я армия воюет в городе, румынские 3-я и 4-я армии прикрывают фланги в степях.

Кобыла Мадемуазель и капитан Попеску

Надо сказать, что в России прекрасно знали, что собой представляет румынская армия и как союзник, и как противник. Первое знакомство состоялось в 1877 – 1878 годах, во время войны за освобождение Болгарии. Румынские офицеры до глубины души потрясли своих тогдашних российских союзников тем, что употребляли пудру и носили корсеты. Мысль, что офицер может выглядеть подобно барышне на выданье, просто не укладывалась в сознании скобелевских ветеранов.

Летом 1940 года, когда Красная Армия двинулась присоединять к СССР Бессарабию и Северную Буковину, советские командиры смогли по достоинству оценить румынское воинство. Маршал артиллерии Николай Воронов, участвовавший в этом походе, вспоминал: «На следующий день на одном из перекрестков я встретил легковую автомашину с двумя румынскими офицерами и переводчиком. Они подошли ко мне и высказали упрек: наши войска движутся слишком быстро. Впервые в жизни мне встретились

королевские офицеры-щеголи с подведенными бровями и ресницами, напудренными и подкрашенными лицами, а у одного из них была даже черная мушка на щеке. Персонажи из оперетты, да и только!»

Военные способности офицеров с подведенными бровями были столь же опереточными: «Начальник артиллерии группы войск на этом направлении генерал Н. В. Гавриленко и другие артиллеристы старались убедить меня в наличии большого количества долговременных огневых точек на оборонительных рубежах Румынии. Товарищи настолько верили в это, что я с трудом мог удержаться от смеха. Вот к чему может привести плохое знание экономических возможностей противника. Экономика королевской Румынии никогда не осилила бы сложное и дорогостоящее оборонное строительство, о котором говорили мне товарищи.

Я показал несколько мест на границе, где рядами стояли убогие деревянные надолбы. Доты и дзоты не могли, конечно, сочетаться с распиленными, не очень толстыми бревнами, небрежно воткнутыми около дороги. Мои доводы, кажется, убедили артиллерийских начальников, они стали реально смотреть на оборонительные сооружения румын».

На немцев румынские офицеры производили не менее сильное впечатление, чем на русских. Вот как командир немецкого саперного батальона Гельмут Вельц вспоминал о «сталинградских» румынах: «На следующее утро передо мной стоят два джентльмена в высоких зимних румынских шапках. Это командиры двух подчиненных мне румынских рот. Их окутывает целое облако одеколора. Несмотря на усы, выглядят они довольно бабисто. Черты их загорелых лиц с пухлыми бритыми щеками расплывчатые. Мундиры аккуратненькие и напоминают не то о зимнем спорте, не то о файв-о-клоке или Пикадилли: покроя безупречен, сидят как влитые, сразу видно, что шили их модные бухарестские портные. Поверх мундиров овчинные шубы.

Через несколько минут спускаемся по склону обрыва и вот уже стоим среди румын. Кругом как тени шныряют исхудавшие солдаты – обессиленные, усталые, небритые, заросшие грязью. Мундиры изношенные, шинели тоже. Повязки на головах, ногах и руках встречаются нам на каждом шагу – лицо доктора выражает отчаяние. Повсюду, несмотря на явную физическую слабость,

работают, строят жилые блиндажи, звенят пилы, взлетают топоры. Другие рубят дрова: их потребуется много, чтобы нагреть выкопанные в промерзшей земле ямы и растопить лед на стенах. Сворачиваем за угол, и я остаюсь навливаю как вкопанный. Глазам своим не верю: передо мной тщательно встроена, защищенная с боков от ветра дощатыми стенами дымящаяся полевая кухня, а наверху, закатав рукава по локоть, восседает сам капитан Попеску и в поте лица своего скал-

По легкомыслию Германа Геринга окруженные немецкие войска остались без поддержки

кой помешивает суп. От элегантности, поразившей меня утром, нет и следа. Только щекастое лицо осталось прежним – впрочем, это и не удивительно, когда можешь залезть в солдатские котелки. Попеску так увлекся поварской деятельностью, что замечает нас, только когда мы подходим вплотную к котлу. Он спрыгивает на снег, вытирает руки о рабочие брюки и объясняет свое странное поведение: «Приходится братья самому. В такое время никого к жратве близко подпускать нельзя...»

Но окончательно Вельц понял, кого военная судьба послала ему в подчиненные, после того как узнал об одной интересной причуде Попеску.

«Румынским крестьянским парням нет ни минуты покоя, они заняты с утра до ночи.

Они не только должны обслужить и ублажить своих командиров роты и взводов, но раздобыть для них самые немислимые вещи, чтобы создать в офицерских блиндажах уют. Больше того, целые взводы заняты делом, до которого не додумается обыкновенный смертный.

Попеску – старый наездник-спортсмен, а потому не может разлучиться со своей скаковой кобылой Мадемуазель. Он ведет ее с собой в обозе с позиции на позицию, из Румынии на Дон, а с Дона к нам. Где бы ни находилась его рота, благородное животное должно питаться, причем получше, чем рядовой его роты. Сегодня 40 солдат заняты постройкой специальной конюшни для любимицы капитана. В ней просторнее и теплее, чем в любом убежище для солдат. Там стоит кобыла, такая же усталая и исхудавшая, как и любое живое существо в котле, но с нее ни днем ни ночью не спускает глаз специальный конюх, который обязан смотреть, чтобы с любимицей командира ничего не случилось».

Уберечь Мадемуазель Попеску не смог – ее съели его изголодавшиеся солдаты.

Удар по слабому звену

Невозможно понять: как мог Гитлер доверить защиту флангов решающей операции 1942 года армии, которой руководили «капитаны попеску»? Так или иначе, он это сделал. И командование Красной Армии не упустило открывшихся перед ним возможностей.

13 сентября Жуков и Василевский представили Сталину план дальнейших действий советских войск под Сталинградом. Предполагалось отказаться от попыток немедленно пробиться на помощь сражающимся в городе войскам 62-й армии генерала Чуйкова и копить резервы для организации глубокого удара с флангов и полного окружения немецких войск в Сталинграде. Наиболее привлекательной стороной этого варианта было то, что прорывать предстояло не немецкую, а румынскую оборону. Опыт, накопленный в боях под Одессой и Севастополем, показывал, что такой способ действий сулит наибольшие шансы на успех.

19 ноября этот план, не без колебаний принятый Сталиным, начал осуществляться. Операция, получившая название «Уран», стала одной из самых блестящих в истории

Красной Армии. Идея Жукова и Василевского ударом по румынам окружить немцев полностью себя оправдала. Румынская оборона была быстро прорвана, немногочисленные немецкие резервы, отчаянно пытающиеся спасти положение, уже ничего не могли изменить.

«Массы людей в коричневой форме – это русские? Нет, румыны! Некоторые из них даже бросают винтовки, чтобы бежать быстрее. Какое позорное зрелище! Мы готовимся к самому худшему. Мы пролетаем над колонной бегущих к северу, потом над артиллерийскими позициями. Пушки брошены, но не выведены из строя. Рядом лежат снаряды. Мы пролетаем еще какое-то расстояние и видим советские войска. Они обнаруживают, что румынские позиции перед ними никто не защищает. Мы сбрасываем бомбы, стреляем из пушек и пулеметов – но что толку, если никто не оказывает сопротивления на земле... На обратном пути мы вновь видим бегущих румын. Им повезло, что у меня кончились боеприпасы и нечем остановить их трусливый бег». Так знаменитый немецкий ас Ганс Рудель описывал события 19 ноября.

23 ноября, Красная Армия захватила город Калач и замкнула кольцо окружения вокруг армии генерала Паулюса. Началась мучительная агония немецких войск, затянувшаяся до 2 февраля 1943 года. Не прошло и ста часов с начала наступления, а ситуация на Восточном фронте радикально изменилась. Обещание Сталина: «Будет и на нашей улице праздник», прозвучавшее в речи 7 ноября, было выполнено.

А в это время немцы выясняли отношения с союзниками. Историк Энтони Бивор в своей книге «Сталинград» так описал германо-румынское разбирательство: «В бункере Гитлера маршалу Антонеску, самому преданному союзнику вермахта, пришлось выслушать гневную тираду фюрера, считавшего, что именно румынские части виноваты в катастрофе. К чести Антонеску, следует заметить, что он ответил Гитлеру тем же. Накричавшись всласть, диктаторы помирились. Однако их примирение никоим образом не отразилось на подчиненных им войсках. Румынские офицеры негодовали, что немцы пропустили все их призывы и предупреждения мимо ушей. Командование вермахта, в свою очередь, обвиняло румын, что те, показав противнику спину, навлекли на них беду. Неприглядные стычки и даже драки между отдельными группами случались повсеместно. После перебранки с Антонеску даже Гитлер вынужден был признать необходимость восстановления хороших отношений с союзниками. Был издан приказ, предписывающий «пресекать любые проявления критики действий румынских офицеров».

Но никакие приказы уже не могли заставить немецких солдат и офицеров с уважением относиться к тем, чью трусость они считали главной причиной своего разгрома.

На самом деле таких причин было больше.

Геринг в игровой комнате

«Услужливый дурак опаснее врага», – утверждает пословица. В Сталинградском сражении для армии генерала Паулюса роль «услужливого дурака» с успехом сыграл Герман Геринг.

Для начала он заверил Гитлера в том, что люфтваффе сумеют снабдить окруженную армию всем необходимым. 23 ноября 1942 года части Красной Армии замкнули кольцо окружения, и прорыв стал для немцев последней надеждой на спасение. Сейчас трудно сказать, насколько велики были шансы на успех такого предприятия. Некоторая вероятность того, что часть окруженных могла бы избежать смерти или плена, все же была.

Но разрешения оставить Сталинград и пробиваться на Запад Паулюс от Гитлера так и не добился. И немалую роль в этом сыграло легкомысленное обещание Геринга обеспечить снабжение армии по воздуху. Гитлеру не хотелось оставлять Сталинград из соображений престижа. Положить сотни тысяч солдат в уличных боях и после этого отходить на Запад значило для него нанести серьезный ущерб своей репутации победоносного полководца. Заверения Геринга, что авиация сможет снабжать окруженных, пришлись как нельзя кстати. Зачем отходить, если можно дожидаться прорыва блокады армии в самом

Вину за поражение под Сталинградом Гитлер возлагал на диктатора Румынии Иона Антонеску

Сталинграде?

Между тем командующий действовавшего над Сталинградом 4-го воздушного флота Рихтгофен совершенно не верил в успех геринговской затеи. Но прислушиваться к мнению находящегося на месте событий подчиненного Геринг не пожелал. Ему из персонального бронепоезда сталинградская ситуация была «виднее». Украшением его передвижных апартаментов были три ванные комнаты, библиотека и кинозал, где зачастую показывали запрещенные в Германии фильмы. Чтобы скрасить рейхсмаршалу суровые военные будни, спецсамолет доставлял клубнику из Италии. Повара обеспечивали неприхотливый солдатский завтрак с лобстерами и икрой. Десять вагонов предназначались для перевозки автомобилей, в которых передвигался рейхсмаршал, покидая поезд. Больше всего он любил американские «ласали» и «бьюики». Запас одежды из 50 мундиров и бесконечного количества шелковых и парчовых халатов позволял чувствовать себя одетым достаточно прилично. А чтобы можно было вволю поразмыслить над проблемами воздушной войны или отдохнуть, в резиденции Геринга была создана специальная игровая комната. Ее украшала железная дорога – настоящее произведение искусства площадью в 240 кв. метров. Кроме того, на специальных тросиках были подвешены самолетики, сбрасывающие игрушечные, но

взрывающиеся бомбы с порохом.

В такой обстановке, видимо, недосуг размышлять о смерти солдат от голода и холода.

Вот какой разговор по этому поводу состоялся у адъютанта Паулюса Вильгельма Адама и обер-квартирмейстера 6-й армии полковника Баадера:

«Адам. Согласно вчерашним донесениям, в котле теперь состоит на довольствии только 270 тысяч человек. Но и для такого количества далеко не достаточно перебрасываемого по воздуху продовольствия. Армия получает лишь небольшую долю своей минимальной потребности. Прямо сказать, это большое свинство, и виноват в этом в первую очередь Геринг. Он, видимо, как всегда, прихвастнул, заверил Гитлера, что военно-воздушные силы полностью обеспечат снабжение армии материальными средствами. Чтобы боеспособность армии сохранить хоть в какой-то мере, надо перебрасывать не менее 500 тонн. Следовательно, ежедневно должны были бы летать 250 «юнкерсов-52» с грузоподъемностью 2 тонны каждый. Ни разу не удавалось этого осуществить. Армию ждет тяжелейшая катастрофа, масса людей погибнет от голода, замерзнет, если наземная связь с котлом не будет восстановлена в кратчайший срок. Скажите, Баадер, почему армия сразу, в первые же дни, не прорвала еще слабое кольцо окружения и не пробилась на юго-запад? Конечно, это не обошлось бы без жертв, но главные силы были бы спасены.

Баадер. Я знаю только одно. Командующий неоднократно просил разрешения на прорыв из окружения, но Гитлер каждый раз эти предложения отклонял».

Листовки с перцем

Словно желая сделать положение окруженных еще более трагическим, руководство люфтваффе допустило неопишуемый хаос при погрузке отправляющихся в Сталинград самолетов. Вместо того чтобы до предела нагрузить их продуктами, боеприпасами, медикаментами и теплой одеждой, министерство пропаганды додумалось перебросить окруженным 200 тысяч газет и листовок. Можно себе представить, что чувствовали голодные солдаты, выгружавшие драгоценное партийное слово.

Вслед за листовками нередко привозились, скажем, ящики хорватских железных крестов для раздачи союзникам, вместе с немцами и румынами оказавшимся в

Сталинградском котле. В большом количестве присылались перец и майоран.

Но верхом издевательства стала отправка в Сталинград ящиков с презервативами. В другой обстановке они бы, возможно, пригодились солдатам шестой армии. Но изголодавшихся, обмороженных людей, многим из которых оставалось жить считанные дни, резиновые изделия вряд ли обрадовали.

Дабы прекратить этот военно-воздушный идиотизм, из котла специально отправили на «Большую Землю» полковника, которому поручили организовать погрузку в самолеты действительно необходимого. Но и это не помогло. Вместе с нелепейшими грузами в Сталинградский котел продолжали перебрасывать новых солдат, словно там без них едоков было мало. Считали необходимым вернуть в свои части солдат и офицеров, у которых отпуск закончился. У таких «возвращенцев» условия существования в котле вызывали обычно тяжелейший психологический шок. В Германии знали об окружении, но не о том, как в нем живет немецким солдатам.

Рихтгофен, узнав, что Геринг доложил Гитлеру о «прекрасном положении дел со снабжением 6-й армии», записал в своем дневнике: «Не говоря уже о том, что его фигуре не повредила бы неделя-другая пребывания в «котле», я делаю вывод, что мои докладные записки либо вообще никто не читает, либо их читают, но подвергают сомнению».

Происходило все это в то самое время, когда хлебный паек окруженных уменьшился до ста граммов в сутки и мясо сдохших лошадей стало их главной пищей. «Все хуже становится с продовольствием. Суп все водянистее, куски хлеба все тоньше... Нехватку можно покрыть только за счет убоя еще оставшихся лошадей. Но даже это невозможно. Ведь наши лошади уже давно отправлены в тыл на подкормку... Каждый патрон у нас на вес золота. Скоро так будет и с каждым куском конской колбасы... Положение с горючим по сравнению с зимой 1941-1942 года тоже ухудшилось... Необходимой при двадцатиградусном морозе зимней смазки в армии вообще не осталось». Так вспоминал потом о жизни в котле один из немногих выживших.

Генералу Людникову, командиру одной из самых прославленных сталинградских дивизий, как-то привели «пленного», весь вид которого мог служить убедительной иллюстрацией к тезису «Гитлер капут». На ногах – что-то напоминающее огромные валенки на деревянных подошвах. Из-за голенищ вылезают пучки соломы. На голове поверх грязного ситцевого платка – дырявый шерстяной подшлемник. Поверх мундира – женская кацавейка, а из-под нее торчит лошадиное копыто. Придерживая левой рукой «драгоценную» ношу, пленный козырял каждому советскому солдату и звучно выкрикивал: «Гитлер капут». Взявший пленного разведчик допытывался, ну как он может «жрать дохлятину». Немец через переводчика ответил: «Кто, попавши в котел, свою лошадь не жрал, тот солдатско-горя не знал». Видимо, был не в курсе, что его «прекрасно снабжают».

Советские зенитчики и летчики-истребители все ту же стягивали кольцо воздушной блокады. После того как они стали сбивать большую часть пытавшихся добраться до Сталинграда немецких самолетов, немцы отказались от полетов в дневное время. А летать ночью могли далеко не все их экипажи.

В ультиматуме советского командования Паулюсу от 8 января 1943 года положение, в котором оказалась шестая армия, было обрисовано предельно точно: «Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной. Положение Ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается, сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях». Роль, которую сыграл в этом Геринг, трудно переоценить. Конечно, он не желал морить голодом немецких солдат в Сталинграде. И, вполне возможно, искренне верил в басню о «прекрасном снабжении». Вот только солдатам Паулюса от этого было не легче...

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс сдался в плен с остатками своей 6-й армии

Заминированная Москва

Александр НЕМЧИНСКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

Апокалипсис Крещатика

Уже на двадцатый день войны, 11 июля 1941 года, войска группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта вышли к древней столице Руси. Однако подступы к Киеву оказались достаточно прочно укреплены, прорваться к городу с ходу не удалось. Фельдмаршал приказал форсировать Днепр на флангах, в обход города.

И тогда командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос дал команду на минирование города.

Общее руководство минированием, как и всем инженерным обеспечением обороны Киева, осуществлял энергичный сорокалетний полковник Александр Иванович Голдович, а техническое руководство – неторопливый тридцатилетний знаток своего дела капитан Владимир Хиликин.

В штаб обороны Киева у Софийского собора вызывали по одному командиров подразделений, которым предстояло рушить город. Среди них командиры 11-го, 13-го и 15-го отдельных взводов специального минирования: Михаил Красиков, Владимир Левченко, Михаил Татарский. Взрывать предстояло исторические и архитектурно ценные здания.

Минировали район Крещатика, здание городской думы, Дом Обороны, торговый «Пассаж», гостиницы, сооружение цирка Крутикова, здание штаба военного округа... А на Владимирской – Музей В.И. Ленина, Оперный театр...

Минировали Липки, Арсенал, Государственный банк на Институтской, корпус НКВД на Левашовской, Дом Красной Армии по Александровской, зал Верховного Совета СССР в Дворцовом проезде, ансамбль Киево-Печерской лавры...

Минировали коммуникации вдоль Днепра. Цепной мост имени Евгении Бош, дефиле на набережной в створе Аскальдовой могилы, дорогу у Почтовой площади на Подоле, береговые опоры железнодорожного моста на Дарницу...

После появления на улицах Киева танков стены домов оклеили приказами генерал-майора и военного коменданта города Эбергарда. Предписывалась регистрация всех мужчин. За уклонение – расстрел. Об этом сообщалось и через репродукторы.

Девушка-наблюдатель московской противовоздушной обороны

24 сентября, теплый и ясный день. Приближался полдень. На некоторых зданиях Крещатика повисли в безветрии красные флаги с черной свастикой в белом кругу. На улице, у развилки, стояли бронетранспортеры. Группы оккупантов прохаживались по тротуару, поглядывая на редких прохожих: с интересом на женщин, с подозрением на мужчин.

И вдруг раздался страшный грохот.

Здание на углу Крещатика и Прорезной

улицы рухнуло было вверх, но затем осело и рассыпалось, облачаясь в пелену дыма. Над развалинами повисло плотное облако пыли. Разлет каменных осколков достигал, нескольких сот метров.

Неужели налет красной авиации? Но небо чисто.

Через несколько минут послышался еще взрыв, затем третий, четвертый... Тучи пыли и дыма закрыли солнце. Словно затмение. Судя по всему, взлетели на воздух торговый «Пассаж», городская комендатура, «Гранд-отель»... Взрывы продолжались. Густой дым застилал прилегающие к Крещатику улицы.

Оккупанты переполошились. Одиночные грузовики с солдатами и легковушки с германскими офицерами пронеслись по улицам.

Уполномоченный Министерства оккупационных восточных областей при группе армий «Юг» свидетельствовал.

г. Киев

5 октября 1941 г.

Секретно

...Пожары и взрывы 24–29 сентября 1941 года разрушили центр города, то есть наилучшую и наиболее величественную его часть – с двумя наибольшими отелями, главным почтамтом, радиоцентром, телеграфом... Пожар охватил территорию около 2 кв. км. Без крова осталось около 50 тыс. человек...

Наказанием за очевидный саботаж 29–30 сентября явилось уничтожение евреев города общей численностью (по ведомостям оперативных команд СС) около 35 тысяч osób, половина из которых – женщины.

Капитан Кох

Так открылся счет Бабьего Яра. Начались поиски диверсантов, которых на месте не оказалось. Работали «умные мины»: их приводили в боевую готовность и взрывали по радио. Шли повальные обыски и аресты: 22 октября расстреляны 100 заложников из городского населения, 2 ноября – 300, 22 ноября еще 400...

На месте штаба германской армии остались груды кирпича. Под развалинами погребены до двухсот немецких военнослужащих.

жащих и несколько десятков советских граждан, находившихся поблизости. Разрушен Дом Обороны вблизи Царской (Комсомольской) площади. Долго горела взорванная гостиница «Континенталь». Сложные салютно-мортиальные проделали в воздухе обломки прекрасного сооружения цирка Крутикова на Николаевской...

Страшным бедствием стали «черные» пожары. Они возникали одновременно со взрывами в подвалах и первых этажах домов, на глухих чердаках и верхних этажах, где воспламенялись размещенные здесь горючие материалы...

Центральной магистрали Киева – Крещатика не стало! Мостовую и тротуары покрыли горы битого кирпича и бетона. Из них пугливо выглядывали искореженные оконные переплеты, останки мебели... Ни пройти, ни проехать!

Потери оккупантов исчислялись тысячами. А сколько при этом погибло киевлян?

«Тайфун» над Москвой

Таким было кодовое название наступательной операции группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Три полевых и три танковых армии, поддержанные авиацией Геринга, по расчетам ставки вермахта, давали возможность сломить сопротивление Красной Армии и овладеть Москвой уже в октябре.

7 октября армии группы «Центр» проблись в район Вязьмы и окружили несколько наших соединений. Красная Армия отошла на подготовленную Можайскую линию. Но и эта оборона оказалась прорванной.

Срочно подтягивались резервы, шла перегруппировка войск, формировались батальоны Московского народного ополчения. Часть из них без обучения и вооружения сразу бросалась в «подмосковную мясорубку». Тысячи москвичей вышли на «окопные работы». Западный фронт под командованием И.С. Конева и Резервный фронт под командованием К.Е. Ворошилова слили в объединенный Западный фронт, командовать которым назначили генерала армии Георгия

Крещатик, взорванный советскими спецслужбами в 1941 году. Справа видны временные трамвайные рельсы, установленные для подвоза стройматериалов и вывоза мусора

Константиновича Жукова.

Сентябрьский опыт уничтожения центра столицы Украины уже «примерялся» к Москве и Ленинграду. Это подтверждается архивными документами.

Постановление

Государственного Комитета Обороны
8 октября 1941 г. Сов. секретно

... 1. Для проведения специальных мероприятий по предприятиям города Москвы и Московской области организовать пятерку в составе т.т. Серова, Попова, Черноусова, Журавлева, Котляра.

4. Поручить пятерке тщательно проверить исполнителей и организовать их соответствующую техническую подготовку...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

Под стыдливым термином «специальные мероприятия» нетрудно разгадать минирование объектов. Ведь гитлеровские войска

Просим утвердить перечень объектов, в отношении которых намечено проведение специальных мероприятий.

ПРИЛОЖЕНИЕ: списки.

Комиссия:

Зам. Наркома внутренних

дел Союза ССР

Секретарь МГК

Секретарь МК

Серов

Попов

Черноусов

Начальник УНКВД

Журавлев

Начальник ГВИУ

Московской области

Наркомата обороны

Котляр

Из этой «пятерки» я знал лично Леонтия Захаровича Котляра. В 1941 году он, начальник Главного Военно-Инженерного управления Красной Армии, практически отвечал за подготовку минеров-подрывников, обеспечивал взрывчатыми веществами (ВВ) и средствами взрывания «специальные мероприятия»...

вышли на подступы к Москве. Вероятность прорыва танков на узком участке фронта становилась реальностью и исчислялась уже часами. Главный удар вермахта приняли на себя 16-я армия генерала Константина Константиновича Рокоссовского и 20-я армия генерала Андрея Андреевича Власова, того самого, который сорок тяжелых дней руководил оборонительными боями в Киеве, а на Волховском фронте сдался врагу.

И тогда, в октябре, основания для тревоги были. Неужели история сдачи Москвы Наполеону в 1812 году повторится? Неужели снова столицу ожидают пожары и разрушения? Во всяком случае, такой вариант не исключался...

Это подтверждается указаниями Председателя ГКО И.В. Сталина. Их понимали однозначно: обеспечить надежность выполнения «специальных мероприятий» и сохранность военной и государственной тайн. Число лиц, допущенных к руководству минированием города, весьма ограничили. С начальниками подрывных команд – отдельный, сугубо конфиденциальный разговор: никто не должен знать задач своих коллег. Запрещено записывать или отмечать что-либо на плане города. Только запоминать! Полная секретность! О любой мине, мгновенного или замедленного действия, не должно быть известно противнику.

А техника особой секретности, или, сокращенно, ТОС, – являлась одной из новинок вооружения наших инженерных войск. Приборы Ф-10 и подвижные радиостанции РУС-3 давали возможность надежно управлять взрывами мин и фугасов по радио, исходя из конкретной боевой обстановки. Трагичность оперативной обстановки заставила подготовить список менее чем за сутки.

Записка Комиссии по проведению специальных мероприятий

И.В. Сталину

9 октября 1941г.

Сов. Секретно

Направляем при этом список предприятий гор. Москвы и Московской области, в отношении которых намечено проведение специальных мероприятий.

(В списке перечислено 1119 предприятий...)

В течение 10 октября с.г. «ВВ» будут подвезены на предприятия...

Выносной пост противовоздушной обороны на крыше гостиницы «Москва»

Судя по всему, понятие «предприятие» не ограничивалось лишь производственными объектами, такими, как ЗИЛ, «Серп и Молот», имеющими оборонное или общезначимое значение... Об этом можно узнать из предложенного «пятеркой» списка, но он еще не извлечен из секретных архивов.

В столице Союза, так же как и в столице Украины, готовилась чудовищная акция, не

имевшая прецедента в истории войн: ни по своим масштабам, ни по уникальной в то время взрывной технике. Цели ее не ограничивались нанесением противнику крупных потерь. Еще более важной считалась деморализация германских войск, порождение «эпидемии минобоязни». Замысел минной операции заключался в массированности и внезапности взрывов. При занятии немецкими штабами, учреждениями и войсковыми частями зданий они должны были взлетать на воздух.

По аналогии с Киевом в список минирова-

ния в Москве могли быть включены гостиницы и транспортные узлы, некоторые театры, военные казармы, объекты энергообеспечения и водоснабжения...

Критическим временным рубежом обороны Москвы, как известно, явилось 15 октября 1941 года. Тогда и появился документ с особым грифом секретности.

Постановление

Государственного Комитета Обороны

15 октября 1941 г.

Сов. секретно

особой важности

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

...4. В случае появления войск противник у ворот Москвы поручить НКВД – т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать...

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

В Москву срочно стягивались все ближние резервы.

И нас, слушателей ускоренного курса Военно-инженерной академии, находившихся в подмосковном лагере Нахабино, подняли после отбоя по тревоге. Совершив форсированный пеший ночной марш, утром прибыли в здание академии на Покровский бульвар. Сюда же подошла бригада легких танков Т-70. С ними, в качестве танкового десанта, мы готовились к участию в уличных боях. Формировали и специальные команды для минирования центра столицы...

Но Комитету Обороны удалось быстро сосредоточить крупные силы и не допустить гитлеровцев в Москву. Иначе не только Крещатику, но и Московскому Кремлю, Большому театру и метрополитену лежать бы в руинах...

«В центр Москвы не вступать...»

Едва командование вермахта очухалось от потрясений крупных потерь в Киеве, оно издало директиву, подписанную генерал-полковником Альфредом Йодлем, главным военным советником Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам.

Ставка

Верховного Главнокомандующего

7 октября 1941 г.

Секретно

Фюрер вновь решил не принимать капитуляции Ленинграда или позднее Москвы,

Москве и в Ленинграде. Тем более, советское радио сообщило, что Ленинград заминирован... Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города...

Не допускается, чтобы немецкие солдаты рисковали своей жизнью для спасения российских городов от огня...

В ставке немецкого Верховного командования даже не догадывались, с каким видом мин имеют дело, считая их минами с часовыми замкательями, известными еще в первую мировую войну. Разумеется, это было определенным признанием успеха минной войны в Киеве. Но смысл документа не столько в отказе принимать капитуляцию Ленинграда и Москвы (если она будет запрошена), сколько в недвусмысленном решении уничтожить их. По всей видимости, это совпадало со стратегическими планами фюрера по резкому «сокращению населения на оккупированных территориях»...

Согласно этому решению войскам были отданы приказы о порядке размещения штабов и частей.

Штаб 4-й армии

Отдел расквартирования армии

1а No. 356\41, 14.10.41 г.

Секретно

Соответственно категорическому приказу Фюрера и Главнокомандующего вооруженными силами, войска не должны вступать в центр города Москвы.

Границей наступления и разведки является окружная железная дорога. Как располагается железная дорога, видно на картах масштаба...

Немедленно довести до сведения войск.

Зам. начальника штаба армии

начальник отдела

полковник

Блюментрит

И такие предостережения были не напрасны, хотя и Ленинград, и Москва продолжали упорные оборонительные бои. Вместе с тем они могли по праву относиться и к Харькову, и к другим населенным пунктам.

Харьков оккупировали позднее Киева, но масштабы минной войны здесь были несравненно меньшими. Взрывы прогремели на главной улице Сумской и прилегающей к центру Клочковской. И в городе сразу расклеили листовки с угрозами коменданта.

г. Харьков

14 ноября 1941 г.

Вследствие взрывов российских мин в Харькове сегодня погибли немецкие солдаты. Это есть доказательство того, что на повторные обращения и приказы немецких вооруженных сил активно сотрудничать в разминировании жители не откликнулись.

Немецкие вооруженные силы отныне будут действовать беспощадно. Так, сегодня было казнено 50 членов коммунистической партии. Помимо этого арестовано 1000 лиц в качестве заложников. За участие в дальнейших выступлениях против немецких вооруженных сил 200 из них будут расстреляны...

Комендант города

В Харькове также применялись управляемые по радио мины – ТОС. Работами руководил полковник Илья Григорьевич Старинов, энтузиаст этого вида минирования. Одну из таких мин установили в престижном особняке по улице Дзержинского, 17. До войны там обитали представители партийно-правительственной элиты. Этот дом облюбовал командир 68-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Георг фон Браун, назначенный начальником гарнизона второй столицы Украины. В ночь на 14 ноября особняк вместе с начальником гарнизона взлетел на воздух...

Стратегия выжженной земли касалась не только таких крупных городов, как Киев, Ленинград, Москва, Харьков. Она распространялась, в принципе, на все населенные пункты, которые потенциально могли быть заняты врагом или уже находились под оккупацией. В преддверии морозной зимы это считалось особенно важным.

Сейчас просто осуждать то, что кажется неэффективным в военном отношении и безнравственным по общечеловеческим понятиям. Но в сорок первом предполагалось, что ценой взрыва городов можно будет переломить ход военных событий. Удалось лишь несколько сбить темп блицкрига. Это, конечно, важно! Но цель вряд ли оправдывала средства... ■

Строительство обороны. Улица Балчуг, Москва. Осень 1941 года

даже если она будет запрошена противником.

Моральное оправдание такого решения понятно для всего мира. Поскольку в Киеве заложенными бомбами и минами с часовыми механизмами был нанесен ряд потерь нашим войскам, нужно остерегаться подобных действий еще в более широких масштабах в

К наиболее известным советским разведывательным организациям, действовавшим в Западной Европе во время Второй мировой войны, относят так называемую «Красную капеллу». На самом деле это было несколько разведывательных сетей. Часть резидентур, действовавших в Германии, Франции, Голландии, Бельгии, была подчинена НКГБ СССР, часть – советской военной разведке. Но контрразведывательные службы нацистской Германии не знали этих подробностей и дали кодовое название «Красная капелла», полагая, что ими раскрыта единая разведсеть.

Первый ощутимый удар советские спецслужбы получили в декабре 1941 года, когда в Брюсселе был арестован радист Михаил Варфоломеевич Макаров (клички Аламо и Хемниц). В течении 1942-1943 годов германской контрразведке удалось захватить восемь радиопередатчиков, шесть из которых позднее возобновили свою работу, но под немецким контролем. В руки гитлеровцев попали резиденты Леонид Треппер (Отто), Анатолий Маркович Гуревич (Виктор Сукулов, Кент), Константин Лукич Ефремов (Паскаль, Польш), Иоганн Венцель (Герман), другие советские разведчики.

Треппер, Гуревич, Венцель пережили гитлеровские, а затем и сталинские застенки. О судьбе Макарова и Ефремова достоверных сведений нет.

В 1990 году в Москве вышла книга Л. Треппера «Большая игра (Воспоминания советского разведчика)». Анализируя происшедшее, автор упрекает некоторых своих товарищей в предательстве, практически ничего не рассказывая при этом об ошибках и неудачах, допущенных его «Центром». Но 27 октября 1945 года начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Абакумов направил начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генералу Кузнецову аналитическую справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой со стороны аппарата ГРУ. Вниманию читателей предлагается этот документ (с сокращениями).

Конечно, нельзя исключить, что показания Л. Треппера, А. Гуревича и И. Венцеля были добыты «СМЕРШем» незаконным путем, с целью дискредитации ГРУ. Скорее всего, так оно и было. Но в предисловии к книге Л. Треппера кандидат военных наук А.И. Галаган обращает внимание читателя на те же ошибки «Центра», что были указаны в справке «СМЕРШа».

Истребление опытных кадров, замена их малокомпетентными и неопытными работниками отрицательно сказывались на работе советской разведки. Однако, даже находясь под контролем немцев, Треппер и его товарищи продолжали работать на Советский Союз.

Долгое время считалось, что один из виновников провала «Красной капеллы» (будем использовать это широко известное название) – резидент советской разведки Кент. Такого мнения придерживались, например, и Л. Треппер, и А.И. Галаган. Но бригада юристов Главной военной прокуратуры, возглавлявшаяся подполковниками В.К. Левковским и А. И. Эрфуртом, обстоятельно изучив дело, пришла к выводу о невиновности А.М. Гуревича. К счастью, он был реабилитирован при жизни.

Фамилии некоторых советских разведчиков и сотрудников аппарата ГРУ в публикации изменены.

Допрос

Кто погубил «Красную капеллу»?

Леонид РЕШИН

Специально для «Совершенно секретно»

27 октября 1945 г.

Главное Разведывательное Управление
Генштаба Красной Армии товарищу Кузнецову лично

При этом направляю справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей, со стороны аппарата Главного Разведывательного управления Красной Армии.
Абакумов

Во второй половине 1945 года Главным управлением «СМЕРШ» были арестованы агенты и резиденты Главного Разведывательного Управления (ГРУ) Красной Армии ТРЕППЕР Л.З., ГУРЕВИЧ А.М., РАДО А., ЯНЕК Г.Я., ВЕНЦЕЛЬ И.Г. и другие, оказавшиеся германскими шпионами.

Гуревич А.М.

В процессе следствия по делам этих арестованных, наряду с разоблачением их вражеской деятельности, выявлены недочеты в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей со стороны аппарата ГРУ.

Так, арестованный в июле 1945 года резидент ГРУ в Бельгии ГУРЕВИЧ (кличка «Кент») показал, что он был подготовлен наспех, а переброска его в Бельгию была организована непродуманно.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал следующее: «Перед переброской меня за границу, по существу, я никакой подготовки не получил. Правда, после оформления моей вербовки полковником СТРУНИНЫМ я был направлен на курсы при разведшколе ГРУ, но они для практической работы ничего, по существу, не дали. На этих курсах я в течении пяти месяцев изучал радиодело, фотодело и был ознакомлен с общим порядком конспиративных встреч с агентурой за границей.

Следует указать, что ознакомление с порядком встреч с агентурой в условиях конспирации было очень поверхностным. На этот счет мы знакомились материалами, составленными, главным образом, возвратившимися из-за границы работником ГРУ БРОДИНЫМ, в которых обстоятельства встреч и сама конспирация их излагались очень неконкретно и, я бы сказал, даже примитивно. Такая система обучения для меня, неискушенного в тот период человека, казалась вроде бы нормальной, но когда я столкнулся с практической работой за границей, то убедился, что она была не только недостаточной, а совершенно неприменимой в условиях нелегальной работы».

Как заявил ГУРЕВИЧ, вначале он должен был ехать для работы в Бельгию через Турцию, для чего ему были изготовлены соответствующие документы. Однако, в связи с отказом турецких властей в выдаче ГУРЕВИЧУ визы, ГРУ за несколько часов до отъезда ГУРЕВИЧА изменил маршрут его следования в Бельгию, предложив ехать через Финляндию, Швецию, Норвегию и Францию под видом мексиканского художника, побывавшего несколько месяцев в Советском Союзе.

По вопросу о полученной легенде ГУРЕВИЧ показал: «Надо сказать, что данная мне легенда была очень неудачной хотя бы потому, что я в связи с недостаточностью времени не мог получить никакой консультации о Мексике, об ее внутреннем положении, условиях жизни и даже ее географических данных. Кроме того, испанский язык, являющийся основным в Мексике, я знал далеко не достаточно для мексиканца и гово-

рил на нем с явно выраженным русским акцентом. Таким образом, в пути следования я был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы о положении в Мексике, а это, бесспорно, навлекло на меня всевозможные подозрения.

Будучи в Париже, я встретился там со связником ГРУ, который вручил мне паспорт на фамилию уругвайского коммерсанта, а я ему сдал свой мексиканский паспорт.

Получая паспорт уругвайского гражданина, я был совершенно недостаточно осведомлен о жизни Уругвая. Когда этот вопрос я поднял еще будучи в Советском Союзе, БРОДИН сказал, что такая возможность мне будет предоставлена.

Действительно, спустя некоторое время мне была представлена для ознакомления коротенькая справка, написанная от руки на 2 страницах одним разведчиком, находившимся в Уругвае очень короткий промежуток времени. Причем в этой справке были указаны две улицы Монтевидео, названия нескольких футбольных команд и подчеркнута, что население, особенно молодежь, часто собирается в кафе. Ни географического, ни экономического и политического положения в этой справке освещено не было. Я даже не знал фамилии президента «моего государства», т. к. по этому вопросу в ГРУ имелись противоречивые данные.

Когда я заметил БРОДИНУ, что этих данных для меня не достаточно, он обещал мне их дать, но их в ГРУ не оказалось, и мне в последний день перед отъездом было предложено пойти в библиотеку имени Ленина и ознакомиться с Уругваем по БСЭ. Естественно, что и там мне данных, как для коммерсанта из богатой уругвайской семьи, найти, конечно, не представилось возможным».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» резидент ГРУ во Франции ТРЕППЕР (кличка «Отто»), объясняя причины провала своей резидентуры, показал: «Резидент МАКАРОВ (кличка «Хемниц»), несмотря на то, что он как будто бы прошел специальную школу, не знал самых элементарных понятий о разведработе, не говоря уже о том, что он не знал ни одного иностранного языка. Кроме того, «Хемниц» должен был проживать как уругваец, в то время как он не имел никаких понятий о его «родной стране» и еще менее о стране, в которой ему пришлось работать. Такие же самые недочеты мне пришлось наблюдать и при моей встрече с резидентом ЕФРЕМОВЫМ (кличка «Польш»). Главной задачей группы «Поля» было информировать ГРУ о передвижении номерных частей через Бельгию, но при моей встрече с «Подем» оказалось, что ни «Польш» и никто из его группы не имел элементарного представления о знаках различия немецкой армии».

Треппер Л.З.

Бывший агент ГРУ «Берг» рассказывала, что, будучи перебросенной в Италию для выполнения специального задания, она не могла там легализоваться вследствие слабой подготовки и данной ей в ГРУ непродуманной и громоздкой легенды. Она заявила:

«Основная причина трудности работать в Италии – это несоответственность и громоздкость моей легенды.

Я была послана с легендой, что родилась на Кубе, жила в Испании, ездила в Америку, Францию, жила в Бельгии, затем через Голландию, Норвегию попала в Швецию, пожила в Стокгольме, а оттуда, направляясь на Кубу, через Италию приехала в Советский Союз, и наконец, через Румынию и Югославию прибыла в Рим. Для укрепления и подтверждения моей легенды ничего не было сделано. Я не могла показать ни одного письма с кубинской маркой и вообще ничего напоминающего о Кубе. Кроме того, общеизвестно, что в природе не существует кубинок с моим цветом волос и лица. ...Я знала слишком мало о Кубе. Больше того, что было

прочитано мною перед отъездом в энциклопедическом словаре в Риме, мне найти не удалось. На вопросы знакомых я описывала Гавану и кубинскую жизнь по теме, как я представляла в своем воображении по песням и фильмам.

Арестованный ГУРЕВИЧ показал, что ГРУ неправильно наметило ему маршрут следования через Ленинград, где он на протяжении длительного времени проживал, работал и имел много знакомых, что привело к его расшифровке.

Экипировка ГУРЕВИЧА была также не в соответствии с данной ему легендой.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал:

«...Выезжая из Советского Союза, я по легенде до этого находился в Нью-Йорке и других странах, а вез с собой только один небольшого размера чемодан, в котором находились: одна пара белья, три пары носков, несколько носовых платков и пара галстуков, в то время как иностранные туристы, побывавшие в других странах, везут с собой в качестве багажа по несколько чемоданов с различными носильными вещами, большое количество различных фотографий, личных писем и т. д.

По приезде в Хельсинки я должен был... явиться в Интурист и получить билет на самолет, следовавший в Швецию. Когда я обратился к швейцару Интуриста, поскольку других работников в воскресенье не было, и спросил его на французском языке о том, что мне должен быть заказан билет на самолет, он предложил мне говорить на русском языке, дав понять, что он знает о том, что я русский, и играть в прятки с ним не следует. К тому же надо отметить, что сам факт, связанный с предварительным заказом билетов через Интурист, не вызывался никакой необходимостью, поскольку это можно было бы сделать без всякой помощи».

Аналогичные затруднения по вине ГРУ, как заявил ГУРЕВИЧ, он встретил также и в других странах: «По приезде в Париж я на другой день должен был зайти в кафе «Дюспо», находящееся на Криши, для встречи со связником. При это было обусловлено, что при входе в кафе я займу место за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходу из кафе, около дома номер 120 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием «Дюспо». В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной остановки, под названием «Терминюс». При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции. То, что я заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют. Я пробыв в кафе более получаса, однако связника ГРУ не встретил. Полагая, что, возможно, был перепутан адрес, я попытался разыскать на этой улице нужное мне кафе, однако его не нашел. В действительности же оказались, что несколько лет тому назад в помещении, в которое я заходил, было именно кафе «Дюспо», но впоследствии оно было преобразовано в закусочную».

ГУРЕВИЧ также заявил, что ГРУ ему было предложено по приезде в Брюссель остановиться в гостинице «Эрмитаж». Оказалось, что эта гостиница уже 5 лет тому назад была превращена в публичный дом и иностранцы там не останавливались.

Арестованный ТРЕППЕР показал, что крупным недочетом в работе заграничных, который приводит к провалам, является несвоевременное снабжение зарубежной агентуры документами и плохое их оформление. По заявлению ТРЕППЕРА, находясь в Брюсселе, он получил из Москвы паспорт для въезда во Францию. В паспорте должна была быть указана профессия – журналист. В действительности же, при получении паспорта, в нем была указана профессия не журналист, а «журналь», что означает – поденщик. Естественно, что поденщик, едуший в международном вагоне, сразу же вызвал бы подозрение у французской пограничной полиции.

Арестованный ГУРЕВИЧ о качестве полученных им из ГРУ документов показал: «Выбор уругвайского паспорта для меня, как легализующего документа, не был достаточно хорошо продуман и подготовлен ГРУ. В Бельгии уругвайских поданных были считанные единицы, в то же время в полиции зарегистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца.

Это были агент ГРУ МАКАРОВ – коммерсант, родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем оба наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году, а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за № 4264, то другой был за № 4265».

Направленному в Италию агенту «Берг» ГРУ, как она заяви-

ла, способов легализации не указало, в связи с чем она по своей инициативе пыталась устроиться на учебу в одну из консерваторий в Риме. Для этого ей необходим был документ, который бы свидетельствовал об окончании ею начального музыкального образования. ГРУ выслал «Берг» документ, однако из-за его недоброкачественности она его использовать не могла, т. к. документ имел дату, хронологически не совпадающую с ее легендой. Кроме того, на печати кубинского музыкального учебного учреждения в документах было написано русское «к». «Берг» также рассказа, что письма, направляемые ей ГРУ с целью подтверждения ее легенды, были оформлены настолько небрежно, что, кроме вреда, ничего принести не могли. Они были с грамматическими ошибками и пропусками букв.

Адрес на конвертах был написан по образцу, принятому в Советском Союзе, т.е. сначала город, улица, фамилия, имя, а не наоборот.

По показанию арестованных устанавливается, что ГРУ направило за границу большей частью неисправные радиостанции и при отсутствии радиоспециалистов там создались большие трудности в их использовании.

Арестованный ТРЕППЕР по этому вопросу показал: «В начале 1939 года ГРУ в первый раз была поставлена задача подготовки и создания собственной радиосвязи с центром. Эта задача была возложена на «Хемница», который как будто прошел до приезда полную техническую радиоподготовку. «Кент», после своего приезда, имел задачу помочь ему в этом направлении, и его ГРУ также считало вполне подготовленным к этой работе. На практике оказалось, что ни тот, ни другой подготовки не имели и эту работу до конца довести не смогли. В то же самое время все полученные приборы оказались в неисправном состоянии. В начале 1940 года, видя, что они не справятся с этой работой, я потребовал от ГРУ или прислать мне настоящего техника, или разрешить вербовать техников среди лиц, близких к компартии. ГРУ обещало мне, что необходимый техник будет прислан. Однако ГРУ такого специалиста не прислало, и в начале июня 1941 года агентура в Бельгии осталась полностью отрезанной от центра. При моем приезде из Бельгии во Францию, в июле 1940 года, когда я приступил к налаживанию агентуры во Франции, я констатировал, что ГРУ не может мне дать никакой помощи как в технических приборах, так и в техниках для налаживания радиосвязи с центром.

После продолжительных требований мне удалось только в июне 1941 года получить две радиостанции, которые приходилось в исключительно тяжелых условиях нелегальной работы перебрасывать в оккупированную французскую зону и в Бельгию. Но и тогда оказалось, что обе эти радиостанции по техническим причинам не были пригодны к введению в строй.

Как мне удалось узнать уже после моего ареста немцами, в конце 1941 года ГРУ в Бельгию и Голландию были направлены с парашютистами радиоаппараты. Парашютисты были захвачены немцами, но, как рассказали немцы, аппараты были неисправны и ими нельзя было пользоваться».

Об обеспечении ГРУ Красной Армии зарубежной агентуры деньгами арестованный ТРЕППЕР сказал:

«К началу войны ни одна из известных мне групп не была снабжена центром нужными средствами для продолжения своей работы, несмотря на то, что уже видно было, что большинству групп придется работать изолированно, и что во время войны они не смогут снабжаться средствами из центра... Я лично, пользуясь средствами созданной мною, с санкции ГРУ, коммерческой фирмы «ЭКС», имел возможность за все время войны снабжать средствами наши группы, однако группа «Гарри» во Франции, «Поль» и «Герман» в Бельгии, группа в Голландии, резидентуры в Берлине, Чехословакии и в других странах оставались полностью без средств. Тяжелое и безвыходное положение групп ГРУ приводило к почти полному свертыванию работы».

Арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ показали, что с начала войны Германии против Советского Союза Главным Разведывательным Управлением было дано указание о том, чтобы резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, связать между собой.

Это обстоятельство привело к тому, что провал группы «Хемница» в декабре 1941 года в Бельгии поставил под удар все остальные резидентуры.

Так, арестованный ГУРЕВИЧ заявил: «Перед отъездом из Москвы ГРУ указало мне, что в связи с провалами принято решение – не создавать больших резидентур, а работать небольшими группами. После того, как ГРУ приняло решение о моем оставлении работать в Бельгии в качестве помощника резидента «Отто», мне бросилось в глаза то обстоятельство, что резидентура в Бельгии насчитывает большое количество людей, находящихся на твердой зарплате и практически не проводивших никакой разведывательной работы и знающих о существовании нашей организации. Я обратил на это внимание «Отто», но получил ответ, что все эти люди предусмотрены на военное время... Провал 1941 года произошел из-за неправильной организации разведгруппы в Бельгии и Франции под единым руководством резидента «Отто» с большим количеством агентов и отсут-

ствия конспирации в работе...»

Арестованный ТРЕППЕР показал: «Все указания ГРУ по вопросу о том, чтобы связать между собой резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, создали исключительно благоприятную почву к провалам, которые по этой причине произошли. Провал в Братиславе привел к провалу резидента «Герман», провал в Голландии, как и провал «Германа», привел к провалу «Поля», провал «Хемница» – к провалу «Кента». Все вышеперечисленные группы, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии и Чехословакии, будучи связаны между собой, привели к тому, что к началу крупного провала 13 декабря 1941 года группа «Хемниц» подвела под удар все остальные группы. В результате это привело к провалу крупной части разведывательной сети в Центральной Европе».

Кроме того, провалу советской агентуры в Бельгии, Франции и Германии в значительной степени, как показали арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ, способствовало грубое нарушение правил конспирации в работе.

Арестованный ГУРЕВИЧ показал: «ГРУ дало мне указание выехать в Германию и обучить моему шифру радиста в Берлине. Я ответил, что считаю неправильным такое указание, т. к. таким образом телеграммы, направляемые мной в Москву в течение длительного периода времени, в случае провала агента-радиста, могут быть немцами расшифрованы. Несмотря на это, Москва все же подтвердила это указание. Я передал, во время моего пребывания в Берлине, ШУЛЬЦУ один из ранее использованных мною шифров и обучил его шифровальному делу. Кроме того, я также подготовил к шифровальному делу агента в Швейцарии Александра РАДО».

Кроме того, когда в Брюсселе немцами были арестованы «Хемниц» и «Аннет», ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР сообщили об этом в ГРУ и потребовали немедленной замены шифра, однако ГРУ не передала пример, и они продолжали поддерживать связь с Москвой, используя шифр захваченный немцами при аресте «Хемница» и «Аннет».

ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР также поведали, что в шифре, которым они пользовались, отсутствовали условные сигналы на случай работы по принуждению. Это обстоятельство не давало им возможности сообщить ГРУ о вербовке их немцами и использовании их в радиоигре с ГРУ. Следует также указать, что ГРУ требовало непрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало контрразведывательным органам пеленгацию и ликвидацию радиостанций.

Так, радисты группы «Андре» в Париже находились у аппаратов беспрерывно по 16 часов.

Арестованный агент РАДО (кличка «Дора»), работавший в Швейцарии, показал, что провал возглавляемой им резидентуры в Швейцарии начался с ареста радистов «Эдуарда», «Мауда» и «Рози», которые, по всем данным, были запеленгованы швейцарской полицией. Установить нахождение указанных радиостанций, как показал РАДО,

путем пеленгации особого труда не составляло, т.к. волны, на которых работали радиостанции, и их позывные ГРУ не менялись в течение двух лет. При этом, по требованию ГРУ, работы на радиостанциях проводились каждый день, и сеанс работы длился от двух до шести часов беспрерывно.

Наряду с этим ГРУ часто требовало повторения уже переданных в Москву радиogramм. В связи с этим радисты вынуждены были создавать архив уже отправленных радиogramм. При аресте «Хемница» и «Германа» немцы

Радо Ш.

нашли у них ряд копий радиogramм.

Арестованные резиденты ГРУ ГУРЕВИЧ, РАДО и другие показали, что на неоднократные их просьбы – дать конкретные указания по тому или иному вопросу, Главное разведывательное управление ограничивалось молчанием.

Так, ГУРЕВИЧ по этому вопросу показал: «Когда «Отто» принял решение передать мне бельгийскую резидентуру и стал ее передавать в присутствии представителя ГРУ Быкова, я отказался ее принимать и указал, что «Отто» неправильно информирует ГРУ о работоспособности бельгийской организации, и просил Быкова по прибытии его в Москву доложить начальнику ГРУ о действительном положении дел в Брюсселе. Я обрисовал Быкову полную картину бельгийской организации, которая должна была привести, по моему мнению, к провалу.

Кроме того, мною было также послано в ГРУ письмо, в котором я указывал, что принцип вербовки, допущенный «Отто», для нашей организации является ошибочным, что не следует полностью вербовать наших работников за счет еврейской секции коммунистической партии Бельгии, что наличие в нашей организации людей, которые по их личному положению должны уже нелегально проживать в стране, увеличивает только возможность провала. Это я подтвердил и Быкову. Несмотря на это, никаких указаний от ГРУ в части работы нашей группы в Бельгии не последовало...»

27 сентября 1945 года
Помощник начальника
главного управления «СМЕРШ»
генерал-лейтенант МОСКАЛЕНКО

Шульце-Бозен Х.

Штебе И.

Командир ШТРАФНИКОВ

Он участвовал в девяти военных кампаниях – Испания, Хасан, Халхин-Гол, Италия, освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии, финская война, Великая Отечественная, Корея, Вьетнам. Ни разу не был сбит, не потерял ни одного ведомого. Свои «ястребки» он терял лишь тогда, когда таранил самолеты врага. В КБ Лавочкина первым поднял в воздух реактивный самолет, первым испытал самолет с ламинарным крылом, первым достиг скорости полета 100 км/час, первым преодолел звуковой барьер, был первым командиром самолета-носителя при первых испытаниях советских атомных бомб. И еще – был первым командиром группы летчиков-штрафников, единственной за всю историю войны.

Полк этот был создан в августе 1942-го в 3-й воздушной армии, входившей в состав Калининского фронта. Формирование его совпало с появлением группы немецких асов. Они перемещались по всему фронту и появлялись там, где немцам нужно было обеспечить господство в воздухе. Самолеты асов были разрисованы игральными картами всех мастей, за что наши летчики прозвали их «картежниками». В их группе было 28 пилотов, возглавлял ее 29-й, полковник фон Берг. Летал он на машине с красным трехглавым драконом.

Потери от этих асов наша авиация несла большие, а немецкие бомбардировщики, прикрываемые ими, зачастую беспрепятственно бомбили наши наземные войска. Командующий Калининским фронтом Конев требовал от командующего 3-й воздушной армией Михаила Громова прикрыть с воздуха войска, которые в это время проводили Ржевскую наступательную операцию, имеющую целью не дать немцам воз-

можности перебрасывать силы на юг, где разворачивалось решающее Сталинградское сражение.

И Громов решился на неординарный шаг: он предложил создать специальную группу летчиков-штрафников, которая должна будет любой ценой ликвидировать «картежников», прикрыть с воздуха наши войска от бомбежек. Он предложил собрать опытных истребителей из тех, кто в чем-либо провинился и которым грозил штрафной батальон. Этим он еще и спасал опытных пилотов от неминуемого штрафбата, от верной гибели.

Всемирно известный летчик, один из первых Героев Советского Союза, любимец Сталина, Громов мог позволить себе несколько видоизменить только что вышедший приказ вожда о штрафных батальонах и заградительных отрядах. Но это был и большой риск. А вдруг кто-нибудь из штрафников на самолете, вооруженном пушкой и пулеметами, отмочит что-нибудь «не то». Тогда Громову самому в пору становиться штрафником: Сталин жестоко карал за проступки. Говорят, до войны вожда особенно отличал и даже любил летчиков, но это не помешало ему отдать в руки палачей НКВД многих авиаторов, в том числе командующих ВВС Алксниса, Смушкевича, Рычагова, героев Испании, Китая и Халхин-Гола...

И вот по приказу штаба армии в середине

августа на аэродром Башарово, что неподалеку от Андреаполя, стали прибывать летчики, в предписаниях которых значилось: «Направляется в группу истребителей-штрафников». Всего к месту сбора прибыли 64 человека – значительно больше одного полка, и потому их официально называли «группой штрафников».

Перед Громовым встал вопрос: кого назначить командиром этого штрафного воинства? Он предлагал возглавить полк лучшим асам воздушной армии Андрею Боровых, Василию Зайцеву и Григорию Онуфриенко (впоследствии дважды Героям и Героя Советского Союза). Но те отказались. Позднее они говорили, что им не страшно было вступить в одиночку в бой с любым количеством фашистов, но совсем не хотелось погибнуть от очереди сзади, от своих же ведомых. Доверия к штрафникам у них не было.

Тогда возглавить полк вызвался майор Иван Федоров, который прибыл на фронт к Громову за две недели до этого. Правда, «прибыл» не совсем верно сказано. Он самовольно сбежал на фронт с авиационного завода в Горьком. Как многие тыловые летчики, он писал рапорт за рапортом директору завода, командованию ВВС. Начальство каждый раз отказывало, хотя Федоров пилот первоклассный, работал испытателем еще до войны вместе с Громовым, Супруном, Стефановским и другими известными летчиками страны.

Уже участвовал в войне в Испании и в Китае. В Испании сбил лично и в группе более двадцати фашистских самолетов, причем два из них таранил. Что воевал там смело, подтверждают его испанские медали и личный подарок Долорес Ибаррури – ее наручные часы. Еще до Великой Отечественной он был награжден двумя орденами Красного Знамени.

Чтобы заставить заводское начальство снять его с испытательной работы и отправить на фронт, он схулиганил: 27 июля сделал на новом «ЛаГГе» три мертвые петли, заканчивающиеся под мостом через Оку. Такого сложного и опасного трюка, очевидно, не совершал еще никто. Охрана моста открыла огонь по самолету из зенитных орудий и пулеметов, видя, что их объекту угрожает опасность. Дело могло кончиться трибуналом, и Федоров решил лететь прямо на фронт. Сделав бочку над аэродромом, он попрощался по радио со своими друзьями и начальством на заводе: «Лечу на фронт, вернусь после победы!» – и взял курс на запад. Добирался, как он говорит, по «компасу Кагановича», то есть ориентируясь на железную дорогу.

– На подлете к Ногинску вижу: два «МиГа» стали подворачивать на меня. Ухожу переворотом вниз и на бреющем лечу дальше – «МиГи» меня потеряли. Погода портит-

ся, и горячее уже на исходе, а до подмосковного Монино, где я решил заправиться, далеко, – рассказывает Иван Евграфович. – Не хватает еще плюхнуться где-нибудь в поле на вынужденную посадку и повредить самолет, и тогда уж наверняка не миновать трибунала и штрафбата.

Все же дотянул до Монино, и хотя тучки основательно прикрыли аэродром, очертания его мне хорошо знакомы. Сажусь, рулю к бензовозам, останавливаюсь рядом с крайним. Вылезаю и встречаю удивленные глаза солдат и технарей. Догадываюсь, в чем дело: на мне испанская летная куртка без знаков отличия, испанский берет и замысловатые заграничные бутсы. Как ни в чем не бывало прошу заправить самолет. Вижу, ребята мнут, наконец шофер бензовоза спрашивает: «А вы кто такой?» Говорю: «Летчик-испытатель». Солдат говорит: «Нужно разрешение начальника ГСМ и коменданта аэродрома».

Время терять нельзя – а вдруг есть приказ о перехвате... Достая свой незаряженный пистолет и говорю шоферу: «Заправляй!» Солдат торопливо подает мне заправочный пистолет и шланг... Проходит минут десять. Смотрю: и впрямь едет к бензовозам пикап, а в нем люди в фуражках – может, и СМЕРШ. Быстро прыгаю в кабину, запускаю мотор. Прямо с места иду на взлет. Стреляли, не стреляли – слышать я уже не мог: мотор ревел во всю мощь, унося меня с аэродрома.

Опять лечу низко, на бреющем, опасаясь, что с Монино могли поднять погоню. Облетаю стороной населенные пункты и полевые аэродромы. И лишь когда впереди заблестела Волга, поднялся повыше, чтобы осмотреться и найти какой-нибудь аэродром, желательный крупный, – там рядом наверняка должен быть штаб 3-й армии или какой-нибудь из ее дивизий. Вижу такой аэродром и много самолетов на площадке у Мигалова, километрах в тридцати от Калинина. Пикирую и на скорости прохожу низко над аэродромом.

Определил, где командный пункт. И заметил у командного пункта легковую машину, возле нее большую группу людей. А не тот ли это «кадиллак», который подарил Громову президент Рузвельт после его полета в Штаты через полюс? Вот была бы удача, если бы попал прямо к Громову.

Сажусь и рулю прямо к командному пункту. И точно: Громов, рядом Байдуков и еще герой полярных полетов Юмашев. «Товарищ генерал, летчик Федоров прибыл для испытания нового самолета в боевых условиях».

По лицу Громова отгадать трудно, знает ли, что я нахулиганил и сбежал с завода. Не спеша оглядел меня, хмыкнул. Затем по давней привычке положил ладони на грудь и покрутил указательными пальцами: признак размышления. А затем повернулся к Байдукову: «Ну вот, Георгий, тебе замена! Так что теперь можешь ехать на курсы».

Ему повезло: прилетел к Михаилу Громову. Тот хорошо встретил товарища по доверенной испытательной работе и назначил его своим замом по технике пилотирования, хотя директор Горьковского авиазавода Гостинцев требовал вернуть Федорова и отдать под суд.

Об этом ему расскажут позже, как и о том, что Лавочкин направил депешу командованию ВВС, чтобы Федорова вернули на завод. И что нарком Шахурин издал приказ: временно перевести для проведения спецзадания по боевой работе в 3-ю воздушную армию.

– Громов был расчудесный и благороднейший человек! И когда я увидел, что он в затруднении с назначением командира штрафников, я сказал, что готов возглавить эту группу, – продолжает Иван Евграфович. – Громов хотел отговорить меня, но, не видя

других кандидатур, махнул рукой: «На организацию полка – пару недель! Даю карт-бланш – их жизнь и смерть в твоих руках. Можешь без суда и следствия... Сколотить боеспособные эскадрильи. У вас будут истребители Як-1 поновее и Як-7 по мере их поступления. Начштаба армии назначит повышенное денежное содержание. Но надо, чтобы ты «картежников» разогнал. Понял?» «Завтра же и проверим людей в бою», – откозырял я.

Конечно, торопиться мне не следовало. Нужно было хорошенько подготовиться к боям, сформировать эскадрильи и звенья, обговорить методы ведения боев,

Боевые успехи И.Е. Федорова: 49 сбитых самолетов лично и 47 в группе. Конечно, сбитые в группе – это не «лично». Но ведь он был всегда командиром и потому ведущим. Значит, сбивал самолеты чаще сам. Задача ведомых – прикрывать командира в бою. Но и первая цифра ставит его в десятку лучших асов страны. Федоров же за боевые заслуги не получил ни одной значимой награды, если не считать ордена Александра Невского. Он все время оставался в тени. О нем нет упоминания даже в документальной книге о 3-й воздушной армии. А ведь он был замом ее командующего.

– Меня не раз разжаловали, лишали, выгоняли, сажали под арест. Считали хулиганом – и в воздухе, и на земле. Но, слава Богу, крыльев не лишали. А я считал так: лучше быть много раз нарушителем, чем один раз покойником. Героем Советского Союза он стал в 1948 году за испытание реактивных самолетов.

отработать слетанность. Я этого не сделал. И потому первые бои мы провели разрозненно, сумбурно, ведомые отрывались от меня. Хотя налеты бомбардировщиков мы все-таки отразили. В первый же день в тяжелых боях мне пришлось прибегнуть к тарану колесами шасси, чтобы разогнать немцев и не попасть под огонь их истребителей, – это мой испытанный испанский прием. В результате – хромота вследствие неудачного приземления на парашюте после тарана.

Летчики сами видели, как неорганизованно дралась моя шестерка. Ну и меня в бою видели. А это лучше всяких слов. Ребята-то были в основном опытные, понимали, что командира в бою надо прикрывать. И я не упрекал их, не напомнил о своем праве – без суда и следствия...

Постепенно мои штрафники стали драться более организованно и напористо. К тому же Громов через несколько дней перевел в штрафной полк на усиление лучших истребителей армии: Боровых, Онуфриенко, Зайцева, Баранова, Чреватенко. Среди штрафников я тоже приметил с десяток наиболее умелых и опытных ребят, на которых можно было положиться, – Калугин, Минченко, Покровский, Решетов. Особенно запомнился мне Аркаша Покровский – совсем мальчик, но смелый и находчивый в бою.

Почему попали в штрафники мои подопечные, я тогда не знал – некогда было, да и не любил я копаться в бумагах. Позже узнал о провинности Анатолия Решетова. Этот опытный летчик расстрелял под горячую руку прямо в воздухе своего ведомого, трижды бросавшего его в бою. Тогда за трусость, самовольный выход из боя или даже просто потерю ведущего могла последовать расправа и после посадки, на аэродроме. Уже после войны я узнал, что молодому летчику Игорю Каберову (будущему Герою), воевавшему на соседнем фронте и вернувшемуся из боя без командира, дали пистолет, заперли его в землянке и предложили застрелиться. Хорошо, что Каберов не чувствовал за собой вины и не послушал ретивых штабных.

Можно было стать и без вины виноватым в глазах иного командира или штабиста. Покрышкин, например, надерзил старшим по званию за то, что небрежно схоронили

его боевого товарища. Его исключили из партии и отдали под суд. Летчик, много раз смотревший смерти в лицо и уже награжденный высшим орденом, был готов покончить с собой – родные политорганы были страшнее фашистской пули.

Быть сбитым и попасть фашистам в плен – тоже могло кончиться штрафбатом или лагерями после возвращения к своим. Все зависело от людей в «органах» и от командиров.

Но были и случаи откровенного хулиганства. Попали в мой штрафной полк трое приятелей, которые, не дождавшись ужина, посадили повара в котел с горячей водой... Несколько подвыпивших пилотов сбросили с балкона девушку за то, что она отказалась танцевать с одним из них.

Отличный летчик Саша Чертов угодил в

Останавливаю кувыркание своего «Яка» напротив «дракона» и даю ему очередь в упор. Она пришлась по кабине и мотору. «Мессер» вошел в крутое пики. Быстро подворачиваю нос «Яка» на ведомого и опять стреляю – из крыла «червового» дым, затем пламя, и он, медленно переворачиваясь, стал падать. Осматриваюсь: основная группа немецких самолетов наверху, но оттуда валится еще один сбитый «мессер» – это Андрей Боровых добился победы. У него вообще никогда не было осечек в бою.

Я даю форсаж и иду вверх. И вдруг замечаю, что «картежники» уходят. Уходят на большой скорости, с принижением. Одиннадцать от нас двоих!

Мы тоже спешим домой – доложить о результатах разведки.

Выехавшая на места падения трех немецких асов комендантская команда привезла в штаб их документы, множество немецких орденов. Те и другие мы передали в СМЕРШ. А мне мои друзья-пилоты преподнесли кортик, маузер и трубку полковника Берга, командира «картежников», сбитого мною. В СМЕРШ передали и его дневник, в котором он отмечал свои победы...

«Картежники» не раз после этого боя пытались подловить меня и Боровых, но мы уже, как правило, летали звеньями и большими группами и не раз били хваленых асов.

Чувствуя свою силу, мы, ведущие штрафники (Калугин, Минченко, Покровский, Решетов и еще несколько), а также Боровых, Зайцев, Онуфриенко, Баранов стали вызывать немцев на поединки. Но предупреждали, что деремся строго один на один. Однажды они попытались поднять в воздух больше самолетов. Мы их тут же пригвоздили к земле атаками с воздуха. Позднее узнали от сбитых немецких летчиков, что начальство запретило «картежникам» вылетать на поединки с нашей «девяткой». А вскоре они исчезли с нашего участка фронта.

Что касается вообще асов-«картежников», то я слышал от дважды Героя Сергея Луганского, что весной 1944 года в боях над Бессарабией летчики его полка тоже встречались с немецкими летчиками, на самолетах которых были изображены и дракон, и игральные карты, в том числе и червовый туз с цифрой семь.

Были эти «картежники» те же, что и на Калининском фронте в сентябре 1942-го, или малевали драконов и картежные знаки другие немецкие асы, не могу сказать.

Наша группа штрафников работала весь сентябрь, отбивая налеты немецких бомбардировщиков и истребителей, сопровождала наши бомбардировщики и штурмовики, прикрывала с воздуха войска. Отличившихся в боях летчиков Громов постепенно стал возвращать в их прежние полки. И в середине октября мой штрафной полк основательно растаял. Лишь костяк из лучших боевых пилотов продолжал воевать. Тогда-то, видимо, Громову и пришла мысль оформить нас в полк асов и поручил это опять мне. 23 октября был издан и официальный приказ об образовании такого полка. После того как я провел со своими асами ряд успешных боев, Громов назначил меня командиром дивизии. Но еще несколько месяцев я летал в бои вместе со своими полковыми товарищами. Я думаю, эта история более известна, поскольку существование полка асов уже никто не замалчивал. Кстати, в нашей 3-й воздушной был и элитный «полк генералов», которым командовал Василий Сталин. Понятно, что командовал он номинально, всеми делами полка руководил Виталий Попков, к концу войны дважды Герой Советского Союза.

Труднее всех боев дался мне отчет о работе штрафников, который приказал написать Конев. Сохранился ли этот отчет, пропал ли, как и многие другие документы, кто теперь скажет? Сам факт существования группы штрафников не афишировался. Когда я уже был командиром 256-й дивизии, мне говорили, что количество сбитых самолетов не засчитывалось нашей штрафной группе, а лишь отражалось в общих итогах дивизий и армии. Но так или иначе, задачу свою мы выполнили. И я в душе полагал, что тоже искупил свой «грех», хотя Громов мне никогда о нем и не напоминал. ■

С фотокамерой

Житель городка Майского, что в Кабардино-Балкарии, Юрий Афанасьевич Курогло принес в редакцию кипу старых потрепанных фотографий: «В 1974 году незадолго до своей смерти эти фотографии мне передал мой земляк – бывший узник Хемеровского концлагеря Дмитрий Александрович Алехин. Он верил, что когда-либо их можно будет опубликовать...»

Тансия БЕЛОУСОВА

Обозреватель «Совершенно секретно»

И сами фотографии, и история их оказались уникальны. ...К двадцати годам житель села Майского Дима Алехин успел и жениться, и обзавестись сыном. Жить бы ему да радоваться, если бы не война. Осенью 41-го Дмитрия призвали в армию, а уже в марте 2-я ударная армия, где служил Алехин, попала в окружение на пятачке между Новгородом и Любанью.

История так называемой «Любанской операции» полностью не написана до сих пор. Известно, что, по замыслу ставки Верховного главнокомандующего и Генштаба, 59-я армия и 2-я ударная армия вместе с войсками Ленинградского фронта должны были не только прорвать блокаду Ленинграда, но и разгромить северо-западную группировку немцев. Однако план из-за путаницы с военачальниками и элементарной неподготовленности бойцов к ведению боевых действий провалился. И 180 тысяч наших солдат оказались в окружении.

2-я ударная армия три месяца оборонялась как могла в заболоченных лесах под поселком Мясной Бор. К июню практически не осталось боеприпасов. Из-за нехватки медикаментов то и дело умирали раненые и

больные. На день люди получали по одному сухарю. Голод заставил искать пропитание – ели кору деревьев, мох, лягушек, а кое-кто не брезговал и человечинной.

24 июня немцы целые сутки обстреливали окруженных из всех видов оружия. Солдаты получили приказ выбираться из окружения мелкими группами, но сделать это смогли немногие. Большая часть их, в том числе раненый и контуженный Алехин, попали в плен.

Два месяца пленные находились в Двинском лагере. За это время рана у Дмитрия зарубцевалась. И хоть кормили в лагере не Бог весть как, Алехин, как и другие бойцы, на ноги поднялся.

В Двинский лагерь частенько наезжали вербовщики – бывшие советские офицеры, уговаривали перейти на сторону немцев, мол, все равно для Сталина вы все предатели и дезертиры. Были такие, кто согласился. Дима воевать против своих отказался.

Похоронная команда

Германия уже в 1941 году испытывала нужду в рабочей силе. В марте 42-го начальник главного хозяйственного управления СС генерал-obersturmbannführer Освальд Поль издал приказ о максимальном использовании заключенных концлагерей в качестве рабочей силы на различных производствах. В октябре

1500 узников Двинского лагеря погрузили в товарные вагоны и повезли через всю Европу в город Хемер, что находился на границе Германии и Франции. Им предстояло работать на шахтах и рудниках Рурской области.

Хемеровский концлагерь (шталаг VI-A) был основан в октябре 1939 года. В нескольких кирпичных казармах здесь содержали неблагонадежных французов, бельгийцев, голландцев. Советских военнопленных поселили в чистом поле под открытым небом. Чтобы хоть как-то укрыться от дождя и ветра, люди рыли землянки, пытались устроить какие-то навесы.

Первым делом узников заставили строить деревянные бараки. Через два месяца, когда бараки были готовы, людей под присмотром охраны и сторожевых собак стали гонять на шахты, где они добывали бурый уголь. Что до Дмитрия Алехина, то он попал в самую страшную команду – похоронную.

Из-за плохого питания и тяжелого труда узники быстро слабели и заболевали. Немцы считали непозволительной роскошью ждать, пока они умрут. Поэтому в ряде лагерей, в том числе и в Хемеровском, они стали осуществлять так называемые акции «14-f-13», а попросту – принудительное умерщвление. Людей загоняли в баню и травили газом «циклон Б».

Дмитрий и другие члены похоронной команды вытаскивали трупы погибших на плац и сортировали. Тех, кто имел золотые зубы и коронки, откладывали в сторону, чтобы лагерные откатывали смогли изъять золото. (Часть золота передавали санитарному управлению СС, и в дальнейшем его использовали при протезировании, часть поступала в рейхсбанк.) Тела остальных везли на повозках на импровизированное кладбище, где их хоронили во рвах.

Первое время Дмитрий ходил сам не свой: не мог ни есть, ни пить, мертвецы приходили к нему по ночам. Потом привык.

Из могильщиков в фотографы

В декабре 43-го лагерное начальство было озабочено низкой производительностью

труда. Тогда в Хемеровский лагерь с целью проверки агитационной работы прибыл подполковник Корбунов из штаба Русской освободительной армии (РОА). Он-то и посоветовал коменданту лагеря уменьшить питательный рацион для тех, кто не выполняет норму, и за счет этой экономии улучшить питание для узников, норму выполняющих. После внедрения «рационализаторского» предложения смертность в лагере резко увеличилась.

Похоронную команду стали кормить раз в сутки по вечерам. Алехин быстро превратился в доходягу да еще заболел туберкулезом. Дима понимал, что при первой же «селекции» его отправят в баню. Чтобы выжить, надо было работать.

Вспомнив о своем довоенном увлечении фотоделом, Алехин решил попытать счастья в лагерной фотолaborатории. Возглавлял ее москвич Александр Гусев. Рассказывали, что до войны он был фотокорреспондентом в известной столичной газете, а в плен попал при выполнении редакционного задания. Гусев, устроивший экзамен Дмитрию, его познаниями был удовлетворен. И похлопал о его переводе из похоронной команды.

В фотолaborатории снимали (анфас и в профиль) только французов, бельгийцев и других иностранных заключенных. По сравнению с похоронной командой работа была легкой. К тому же фотографу полагался лишний черпак баланды.

Чуть окрепнув, Дмитрий Алехин задумал неслыханное: в концлагере, где даже немецкие офицеры могли фотографировать объекты только по специальному разрешению руководства СС, он решил создать «фотолетопись лагерных ужасов».

Зимой и весной 44-го он бродил по лагерю, скрывая под старой немецкой шинелью фотоаппарат, висевший на груди. Не надеясь дожить до освобождения, Дмитрий зарыл тщательно упакованные фотопленки в один из рвов, где были похоронены заключенные. «Если лагерь освободят, то могилы наверняка будут вскрывать», – думал он.

Узнай кто о его подпольной деятельности, Алехина бы повесили.

В 1944 году шталаг VI-A был превращен в лагерь смерти. Сюда со всех шахт, рудников и предприятий Рурской области привозили умирать заключенных – русских, евреев, поляков. Мест в казармах не хватало, и люди, как и 42-м, пытались укрыться в землянках. Раз в сутки они получали черпак баланды и 200 граммов хлеба. На такой «диете» узники быстро превращались в ходячие скелеты. Тесный вонючий лазарет был забит туберкулезниками и тифозными больными.

Какое-то время скончавшихся от голода и болезней и отравленных газом продолжали хоронить во рвах, а потом в лагере был построен крематорий. Пепел из него рассыпали по соседнему полю.

А рядом, в лагере для иностранцев, была совсем другая жизнь. Их не били надзиратели, и они имели право переписываться с родными. От лагерного пайка (230 г хлеба, 0,5 кг картошки, 15 г маргарина, 20 г кофе) многие из них отказывались. Регулярно раз в месяц они получали посылки от Международного Красного Креста, продукты присылали религиозные организации и родственники. В шкафчиках у заключенных лежали тушенка и паштеты, сахар и шоколад, концентрированное молоко и бисквиты, зеленый горошек и сардины... Красный Крест снабжал их одеждой и обувью. Его инспекторы часто приезжали в лагерь с проверками, интересовались бытовыми условиями, медицинским и культурно-просветительским обслуживанием заключенных. К английским и американским военнопленным, появившимся в лагере в 1944 году, немецкие офицеры относились подчеркнуто уважительно.

В аду

Советские военнопленные вначале не могли понять, почему к ним немцы относятся хуже чем к скоту. Объяснили агитаторы из Русской освободительной армии. Оказалось, СССР не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными. Мало того, Сталин отказался обмениваться с немцами списками пленных и принимать для них посылки.

В марте 45-го советским военнопленным перестали выдавать хлеб. Они получали по кружке баланды из брюквы и мучной болтушки. Немцы объясняли, что из-за наступления русских, американцев и англичан привезти продукты в лагерь невозможно.

Гонять узников на какие-либо лагерные работы перестали. У кого были силы, тот брел на помойку искать картофельные очистки...

Альбом ужасов

Из-за яростного сопротивления эсэсовцев бои за Хемер шли до 17 апреля. При этом немало советских военнопленных погибло при артобстрелах освободителей.

Прибывшие в лагерь американцы быстро принялись кормить, лечить и одевать наших военнопленных. В последующие два месяца в шталаг VI-A свозили всех советских граждан, оказавшихся в английской и американской оккупационных зонах.

Опьяненные свободой люди искали земляков и однополчан, ходили друг к другу в гости и устраивали застолья, выменивая самогон и спирт у местных жителей. Однажды бывшие узники нашли бочку со спиртом, а тот оказался отравленным. Несмотря на старания американских медиков, 400 человек скончались.

Пока весь лагерь «гулял», Дмитрий Алехин работал в фотолаборатории. Откопав

свои пленки, он печатал фотографии. Да и от желающих сфотографироваться отбоя не было. Один американский генерал, получив от Димы альбом с фотографиями, даже подарил ему часы с надписью «Пентагон».

В течение нескольких месяцев бывшие узники ждали отправки домой. И все это время их обрабатывали агитаторы. Американцы, устраивая концерты своего джаза, одаривая узников подарками, убеждали их остаться на Западе, так как в Союзе их посадят за решетку. Советские офицеры в доказательство того, что родина ждет своих сыновей и дочерей с распростертыми объятиями, устраивали концерты украинского ансамбля песни и пляски, выступления физкультурников и футбольные матчи.

Остаться на Западе согласились немногие, и среди них – Александр Гусев. Ходил слух, что ему удалось перебраться в Америку.

Остальных из Германии перевезли в Белоруссию, в фильтрационный лагерь. После проверки кто-то из узников вновь попал в лагерь, кого-то отправили в армию, кого-то отпустили домой.

По возвращении в Кабардино-Балкарию Алехина долгое время не принимали на работу, он подозревал, что из-за лагерного прошлого. Потом удалось устроиться сторожем. Позже перешел в котельную, где и проработал кочегаром до самой смерти.

Еще в Германии Дмитрий, опасаясь, что фотографии могут изъять в фильтрационном лагере, раздал по 2-3 штуки разным людям с условием, что потом они перешлют ему фото. Кто-то фотографии вернул, кто-то оставил себе.

Первым человеком, кому Алехин показал свой «альбом ужасов», был его 18-летний сосед Юра. Парнишка, ничего не знав-

ший о лагерном прошлом Дмитрия Александровича, спросил, почему тот его не опубликует. «Да меня КГБ сразу же арестует, – ответил Алехин. – Попробуй потом докажи, что я не сотрудничал с немцами, а снимал концлагерь, рискуя собственной жизнью...»

По свидетельству бывшего бургомистра города Хемер Клауса Бурда, в их краях похоронено около 23 тысяч советских военнопленных. Сколько узников было сожжено в крематории, неизвестно до сих пор.

Незадолго до смерти Дмитрий Алехин вспоминал: «Весной 45-го на поле, где рассыпали пепел из крематория, местные жители, не ведая о жутком «удобрении», высадили капусту. Осенью, когда нас увозили из лагеря, они собирали небывалый урожай. Поле было усеяно кочанами, а мне виделись людские черепа...»

МОЛОДАЯ

Эрик ШУР

Специально «Совершенно секретно»

Центральный архив ФСБ предоставил нам возможность изучить Дело № 20056 – двадцать восемь томов материалов следствия по обвинению полицейев и немецких жандармов в расправе над подпольной организацией «Молодая гвардия», действовавшей в украинском городе Краснодоне в 1942 году.

Напомним, что роман «Молодая гвардия», который мы давно не перечитывали, подробно рассказывает об этих событиях. Писатель Фадеев специально съездил в Краснодон после его освобождения и написал очерк для «Правды», а потом книгу.

Олегу Кошевому, Ивану Земнухову, Ульяне Громовой, Сергею Тюленину и Любови Шевцовой сразу присвоили звание Героя Советского Союза.

После этого не только погибшие, но даже оставшиеся в живых «молодогвардейцы» принадлежали уже не себе, а Фадееву. В 1951 году по настоянию ЦК он ввел в свою книгу наставников-коммунистов. Тут же и в жизни об их роли в руководстве краснодонским молодежным подпольем написали километры диссертаций. И не писатель у очевидцев, а реальные участники событий стали спрашивать у писателя: чем действительно занималась «Молодая гвардия»? Кто ее руководил? Кто ее предал? Фадеев отвечал: «Я писал роман, а не историю».

Следствие шло по горячим следам, когда еще не все свидетели и обвиняемые успели прочитать роман, быстро ставший классическим. А значит, в их памяти и показаниях известные всем книжные герои-подпольщики еще не успели подменить собой полностью реальных мальчиков и девочек, казненных краснодонской полицией.

Так вот, ознакомившись с фактами, автор нашел...

«Молодую гвардию» придумали дважды. Сначала в краснодонской полиции. Потом Александр Фадеев. До того как было возбуждено уголовное дело по факту хищения новогодних подарков на местном базаре, ТАКОЙ подпольной молодежной организации, о которой мы знаем с детства, в Краснодоне не было. Или все-таки была?

Итак, факты...

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА № 20056:

Валя Борц: «Я вступила в «Молодую гвардию» через своего школьного товарища Сережу Сафонова, который познакомил меня с Сергеем Тюлениным в августе 1942 года. Тогда организация была малочисленной и называлась отрядом «Молот». Приняла присягу.

Командиром был Виктор Третьякевич, комиссаром – Олег Кошевой, а членами штаба – Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Ульяна Громова. Позже штаб увеличился на Любу Шевцову».

Коростылев, инженер треста «Красноуголь»: «Как-то в начале октября 1942 года я передал молодогвардейцам радиоприемник. Записанные ими сводки размножались, а затем распространялись по городу».

Валя Борц: «...7 ноября вывесили на зданиях угольного дирекциона и клубе шахты №5-бис красные флаги. Была сожжена биржа труда, в которой хранились списки советских граждан, подлежащих угону в Германию. Поджигали биржу труда Шевцова, Лукьянченко и Тюленин».

Все, пожалуй. Конечно, не нам судить, много это или мало, когда речь идет о жизни и смерти, но даже проходившие по Делу № 20056 жандармы и полицейские всего через

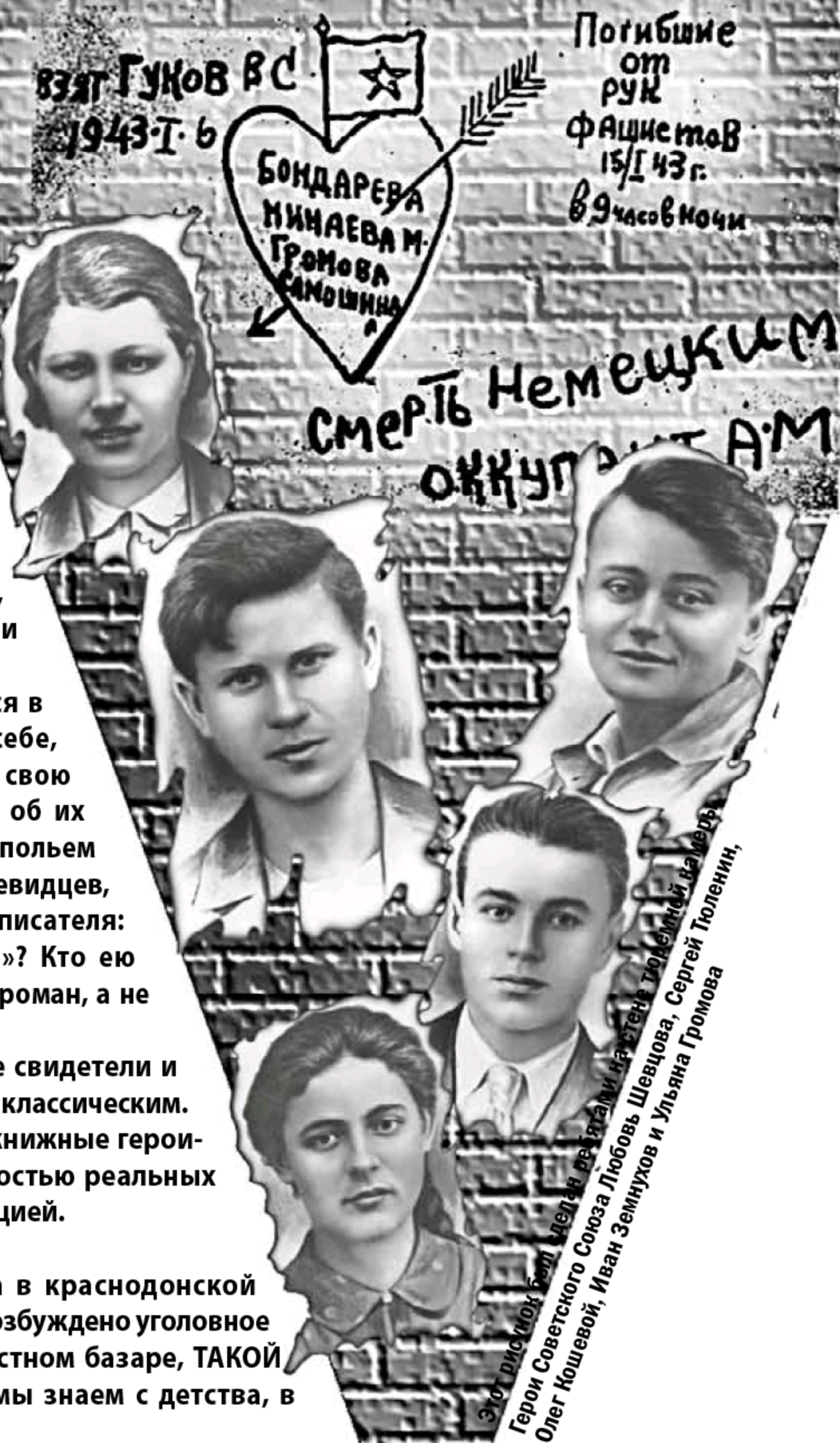
три года после краснодонских событий про «Молодую гвардию» вспоминали с трудом. Они так и не смогли сказать, сколько в ней состояло человек и что она действительно сделала. Поначалу они даже не понимали, почему из всего, что они успели натворить за войну, следствие интересуется именно этот короткий эпизод с подростками.

По сути Дела, поддерживать Ordnung немцев на весь район оставили всего двадцать пять жандармов. Потом прикомандировали еще пять. Руководил ими пятидесятилетний немец – начальник жандармерии Ренатус, член НСДАП с 1933 года. А на тридцать немцев в районе приходилось четыреста полицейских. И конкуренция на место в полиции была такая, что брали только по рекомендации.

«По фактам поджога биржи труда и вывешивания флагов» полицейские отчитались на следующий день: арестованы восемь человек. Начальник жандармерии не задумываясь приказал всех расстрелять.

В Деле есть упоминание только об одной жертве полицейской отчетности – дочери колхозного управленца Касеева, которая призналась в вывешивании флагов. Совершенно точно известно, что Касеева никогда не была «молодогвардейкой» и в списках героев не значится.

«Виновного» в расклеивании листовок

блена немецкая автомашина, в которой находились почта и новогодние подарки для немецких солдат и офицеров.

Шофер автомашины заявил об этом в краснодонскую жандармерию.

Начальник краснодонской полиции Соликовский собрал всех полицейских, показал пачку сигарет той же марки, что украденные, приказал немедленно отправляться на местный базар и доставлять в полицию каждого, кто будет торговать такими сигаретами.

Вскоре переводчику Бургарту и ходившему вместе с ним по базару немцу в штатском удалось задержать двенадцатилетнего Александра Гринева (он же Пузырев). Мальчик признался, что сигареты ему дал Евгений Мошков. В квартире Мошкова нашли восемь ящиков с сигаретами и печеньем.

Так были арестованы заведующий клубом Мошков, зав. струнным кружком Третьякевич и некоторые другие.

А затем взяли Ольгу Лядскую.

По сути Дела, ее арестовали совершенно случайно. Пришли к Тосе Машенко в поисках «грабительницы» Вали Борц, к тому времени уже шагнувшей к линии фронта. У Тоси полицейскому понравилась скатерть, он решил прихватить ее с собой. Под скатертью лежало неотправленное письмо Лядской знакомому Федору Изварину.

Она писала, что не хочет уезжать в Германию в «РАБСТВО». Именно так: в кавычках и большими буквами.

Следователь Захаров пообещал повесить Лядскую на базаре за ее большие буквы в кавычках, если тут же не назовет других недовольных новым порядком. Она спросила: кто уже сидит в полиции? Следователь схитрил и назвал отпущенную им к тому времени Тосю Машенко. Тогда Лядская показала, что Машенко и есть неблагонадежная.

Следователь большего не ожидал. Но Лядская попала на крючок и назвала еще пару фамилий – тех, кого помнила по активной комсомольской работе еще до войны, не имевших никакого отношения к «Молодой гвардии».

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА № 20056:

Лядская: «Я назвала лиц, которых я подозревала в партизанской деятельности: Козырева, Третьякевича, Николаенко, потому что они у меня однажды спрашивали, есть ли у нас на хуторе партизаны и помогаю ли я им. А после того, как Соликовский пригрозил избить, я выдала подругу Машенко – Борц...»

И еще восемьдесят человек.

Даже по послевоенным спискам в организации состояло около семидесяти.

ГВАРДИЯ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ, или УГОЛОВНОЕ ДЕЛО № 20056

тоже нашли сразу. Жена инженера угольного дирекциона как раз решала семейные проблемы. И, чтобы избавиться от мужа, донесла в полицию: вот тут один инженер поддерживает связь с партизанами. «Расклейщика» чудом спас сосед по двору бургомистр Стаценко.

Откуда же взялся миф об огромной, разветвленной, представляющей страшную угрозу для немцев подпольной организации?

В ночь с 25 на 26 декабря 1942 года у здания Краснодонской райуправы была огра-

Долгое время кроме Лядской «официальным» предателем считался «молодогвардеец» Почепцов. Действительно, следователь Черенков вспоминает, что Геннадий Почепцов, племянник бывшего начальника краснодонской полиции, письменно сдал Соликовскому и Захарову группу в поселке Первомайский. И выдал штаб «МГ» в таком порядке: Третьякевич (главный), Лукашев, Земнухов, Сафонов и Кошевой. А также назвал командира своей «пятерки» – Попова. Доставленная в полицию Тося Машенко призналась, что разнесла листовки. И выда-

ла Третьякевича, которого с Нового года выдавали уже в третий раз.

Третьякевич выдал Шевцову и стал называть «молодогвардейцев» целыми поселками.

Круг подозреваемых настолько расширился, что начальнику Соликовскому удалось заполучить в полицию даже сына бургомистра Стаценко. И, судя по послевоенным показаниям папы, Жора рассказал все, что знал о шушукавшихся за спиной друзьях. Отец его выручил, как до этого арестованного «за листовки» инженера. Тот, кстати, тоже прибежал и доложил, что у Олега Кошевого на квартире нелегально слушают радиоприемник.

Действительно, «молодогвардеец» Геннадий Почепцов, которого после войны сделали «официальным предателем «Молодой гвардии», выдавал инициативно. Но он уже не сообщил Соликовскому ничего нового.

В документах как предатель «Молодой гвардии» упоминается китаец Яков Ка-Фу. Следователь Захаров рассказывал следователю Орлову уже в Италии, в самом конце войны, что организацию выдал этот китаец. Послевоенное расследование смогло установить только одно: Яков мог быть обижен на советскую власть, потому что перед войной его сняли с работы из-за плохого знания русского языка.

Представьте, как обиженный китаец Ка-Фу сдавал подпольную организацию. Как он подробно отвечал на вопросы следователей – наверное, на пальцах. Странно, что в списках «молодогвардейцев» так и не оказался если не весь Китай, то хотя бы весь краснодонский район «Шанхай».

Десятилетиями шел спор о том, чем настоящая история «Молодой гвардии» отличается от написанной Фадеевым. Оказывается, спорили бессмысленно. Дело

№ 20056 о том, что в книге была приукрашена не жизнь, а уже созданный до писателя миф. Сначала подвиги молодежного подполья преумножила сама краснодонская полиция.

Для чего? Давайте не будем забывать и то, что краснодонские полицаи не с Луны свалились и не из третьего рейха прибыли. Для отчета перед начальством раскрыть рядовое ограбление куда как менее значительно, чем целую подпольную организацию. А уж раскрыв, поверить в нее для бывших советских труда не составляло. Для бывших советских – с обеих сторон фронта.

Но все это была лишь предыстория «Молодой гвардии». История начинается лишь теперь.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА № 20056:

Мария Борц: «...Когда я вошла в кабинет, Соликовский сидел за столом. Перед ним лежал набор плетей: толстых, тонких, широких, ремни со свинцовыми наконечниками. У дивана стоял изуродованный до неузнаваемости Земнухов Ваня. Глаза у него были красные, веки сильно воспалены. На лице ссадины и кровоподтеки. Вся одежда у Вани была в крови, рубашка на спине прилипла к телу, и через нее проступала кровь».

Нина Земнухова: «От жителя Краснодона Ленского Рафаила Васильевича, который содержался с Ваней в одной камере, узнала, что палачи выводили Ваню раздетого во двор полиции и на снегу избивали до потери сознания».

...Женю Мошкова возили на речку Каменку, замораживали в проруби и затем в близстоящей избушке в печке оттаивали, после чего опять везли в полицию на допрос...

...Володе Осьмухину переломили кость на руке и каждый раз при допросе ему выворачивали сломанную руку...»

Тюленина (мать Сергея): «На третий день после моего ареста я была вызвана на допрос, где находился Сережа. Соликовский, Захаров и Черенков заставили меня раздеться догола, а потом избивали плетями до потери сознания. А когда очнулась, они начали в моем присутствии прожигать Сереже раскаленным прутом рану правой руки. Пальцы рук подкладывали под двери и зажимали до полного омертвления. Под ногти загоняли иголки и подвешивали на веревках. Воздух в комнате, где производились пытки, был наполнен запахом жженого мяса».

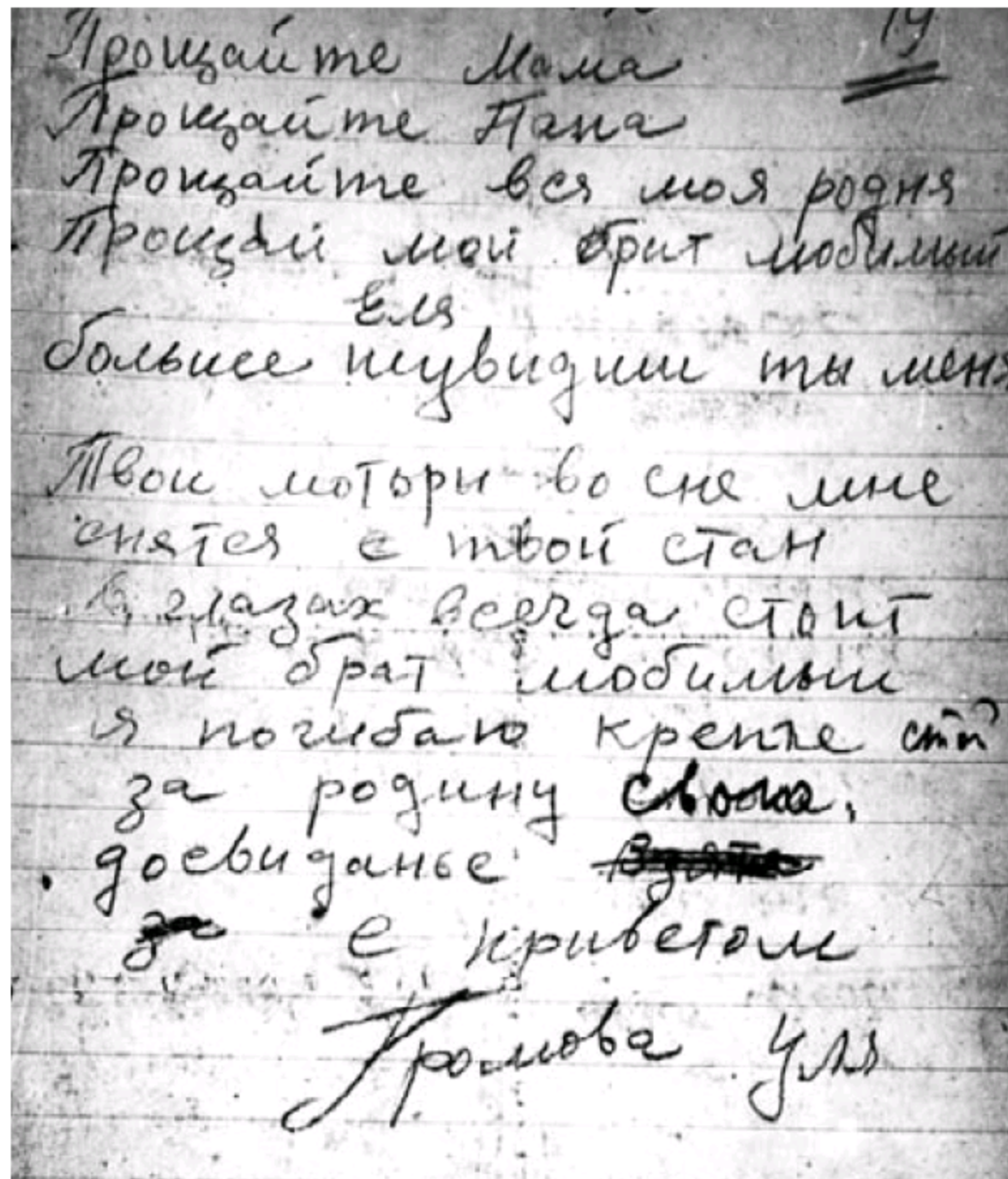
...В камерах полицейский Авсецин целыми сутками не давал нам воды, чтобы хоть немного смочить запекшуюся во рту и горле

кровь».

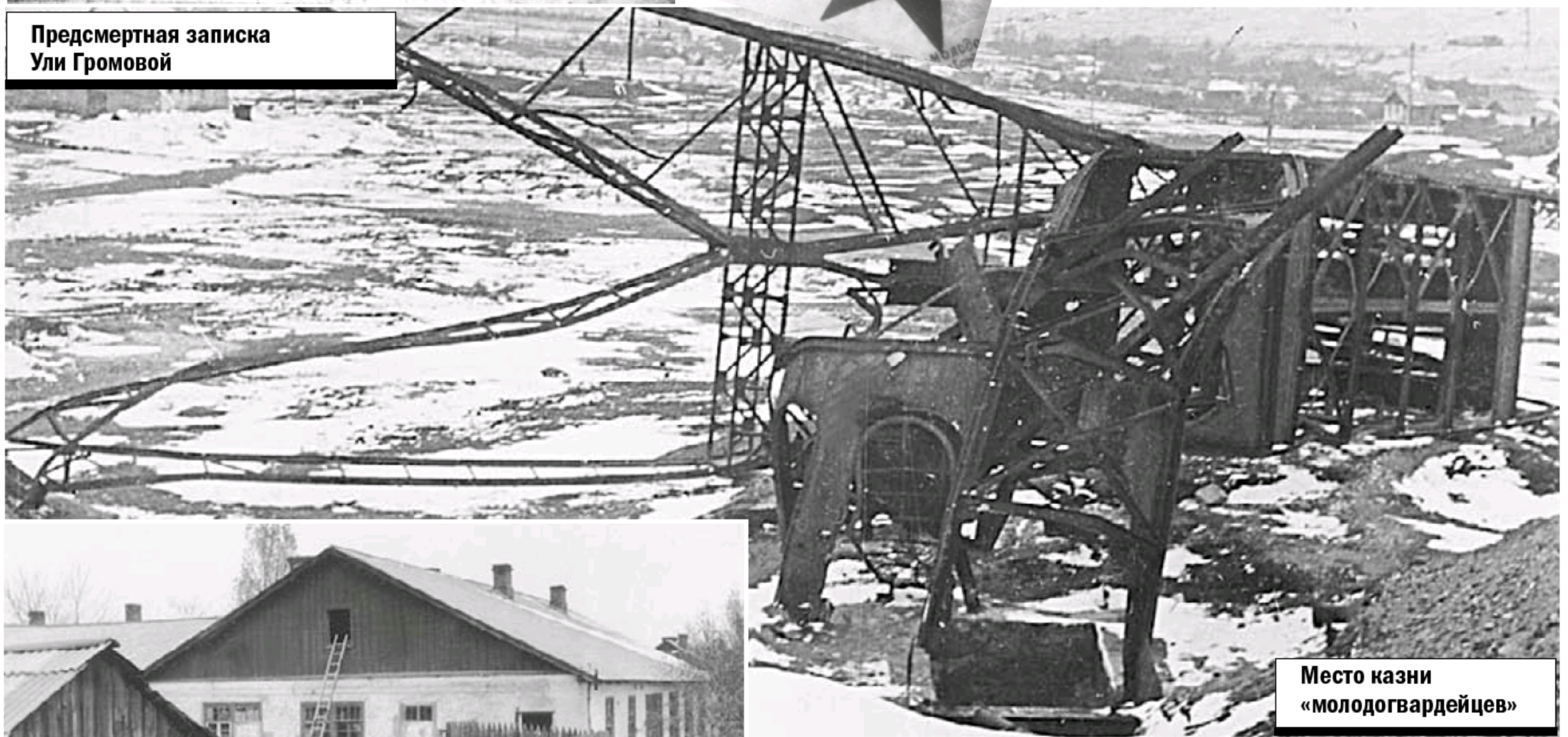
Черенков (следователь полиции): «Я проводил очную ставку между Громовой, Иванихиной и Земнуховым. В этот момент в кабинет вошел Соликовский со своей женой. Положив на пол Громову и Иванихину, я начал бить их, Соликовский, подзадориваемый своей женой, выхватил у меня из рук плетль и начал сам расправляться с арестованными».

...Так как камеры тюрьмы были заполнены молодыми, многие, как мать Ольги Иванцовой, просто валялись в коридоре».

Мария Борц: «...Соликовский, Захаров, Давиденко заставляли девушек раздеваться догола, а затем над ними начинали издеваться, сопровождая это побоями. Иногда это делалось в присутствии жены Соликовского, которая обычно сидела на диване и залива-

Предсмертная записка
Ули Громовой

Место казни
«молодогвардейцев»

Здание краснодонской полиции,
где содержались заключенные

лась смехом.

...Улю Громову подвешивали за косы... Сапогами ей растоптали грудь.

...Полицейский Бауткин избивал Попова плетью и заставлял его языком слизывать брызнувшую на стену кровь».

В 1948 году Сергей Герасимов снимал свой фильм «Молодая гвардия». На съемки сцены расстрела подпольщиков у шахты собрался весь город. И Краснодон так заревел в голос, когда первым к шурфу пошел игравший Олега Кошевого актер Александр Иванов... Вряд ли, зная, что Кошевого расстреливали не у шахты, они рыдали бы меньше.

Решение о казни у шахты № 5-бис принимали начальник полиции Соликовский и

бургомистр Стаценко. Место было проверенное, там уже расстреливали краснодонцев.

По Делу, на казнь «молодогвардейцев» вывозили в четыре приема. В первый раз, 13 января, – на грузовике, тринадцать девушек, к которым посадили шесть евреев. Сначала расстреляли и сбросили в шурф шахты № 5-бис евреев. И тогда девушки начали кричать, что они ни в чем не виновны. Полицейские стали поднимать и завязывать девушкам платя над головой. И некоторых бросали в шахту живыми.

На следующий день к шахте на трех подводах вывезли еще шестнадцать человек, в том числе Мошкова и Попова.

Третьякевича сбросили в шахту живым, потому что он умудрился схватить следователя полиции Захарова и пытался утащить его за собой. Так что сами решайте, каким на самом деле был Виктор Третьякевич, о котором еще двадцать лет после казни ни один писатель не написал ни строчки.

В третий раз – 15 января – на двух подводах вывезли семь девушек и пять юношей. И в последний раз, в первых

Одна из листовок

числах февраля, на одной подводе вывезли Тюленина и еще четверых. Тогда казнь чуть не сорвалась. Ковалев с Григоренко умудрились развязать друг другу руки. Григоренко убил переводчик

Бургарт, а Ковалева только ранили – потом нашли его пробитое пулей пальто. Остальных второпях расстреляли и бросили в шахту.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА № 20056:

Полицейский Колотович: «В дежурной комнате Тукалов сказал Давиденко: «Ты знаешь, Сашка, моей жене уже известно, что мы с тобой вчера расстреливали людей. Пришел домой вчера, а жена ругается и кушать не дает, спрашивает, сколько мы с тобой людей расстреляли прошлой ночью». И добавил: «Делаешь ночью, а народ наутро уже знает». В ответ Давиденко нецензурно выругался и сказал: «Ну и пусть знают».

Почти неделю Олег Кошевой скрывался от преследования по хуторам, переодевшись в женское платье. Потом на три дня залег – под кровать на квартире у родственницы.

Кошевой думал, что краснодонская полиция ищет его как комиссара «Молодой гвардии». На самом деле его ловили как участника ограбления автомашины с новогодними подарками. А взяли ни за то, ни за другое – просто потому, что в прифронтовой зоне тогда хватали и обыскивали всех молодых людей.

Кошевого доставили в ровенскую окружную жандармерию к следователю Орлову. Олег знал: это тот самый Иван Орлов, который однажды вызвал на допрос и изнасило-вал учительницу. И немцам даже пришлось «пойти навстречу населению» и убрать Орлова из Краснодона сюда, в Ровеньки.

Кошевой кричал Орлову: я комиссар-подпольщик! Но следователь про «Молодую гвардию» не слушал: мол, разве настоящие партизаны могут так глупо выдавать себя? Но юноша настолько раздражал следователя, что за шесть дней допросов Олег поседел.

О том, как умирал Кошевой, давали показания немцы из расстрельной команды. Они с трудом припомнили, как во время завтрака начальник жандармерии Фромме пришел в столовую и сказал: поторапливайтесь, есть работа. Как обычно, доставили заключенных в лес, разделили на две партии, поставили лицом к ямам...

Но вспомнили отчетливо, что один седой мальчик после залпа не упал в яму, а остался лежать на краю. Повернул голову и просто посмотрел в их сторону. Жандарм Древитц не выдержал, подошел и выстрелил ему из винтовки в затылок.

Для немцев не существовало ни имени Олега Кошевого, ни «Молодой гвардии». Но и через несколько лет после войны они не забыли взгляд седого мальчика, лежавшего на краю ямы...

После освобождения Краснодона, 1 марта 1943 года, сорок девять трупов погибших были сложены в гробы и перевезены в парк им. Комсомола. Шел снег, тут же пре-

вращаясь в грязь. Похороны продолжались с утра до позднего вечера.

Полицейского Давиденко после войны нашли по доносу: сожительница обиделась, что «герой войны» не захотел поделиться с ней «трофейным» золотом. Но и он, и почти все бывшие полицейские Краснодона в заключение (кого их судили, смертная казнь была отменена) вели себя хорошо. Лет через двадцать Давиденко даже написал прокурору, что никакого отношения к расправам над «молодогвардейцами» не имел.

В 1949 году Лядская обратилась с просьбой дать ей возможность самостоятельно пройти программу 10-го класса, потому что она с семнадцати лет в заключении. Ольга Лядская реабилитирована в середине девяностых на том основании, что не являлась членом молодежной комсомольской организации «Молодая гвардия», а значит, не могла ее выдать.

В 1960 году Виктор Третьякевич был внесен в списки «Молодой гвардии» и награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно. ■

**Гесс трижды
заслужил виселицы,
хоть его от нее
избавили. Он был
в рейхе третьим
человеком после
Гитлера и Геринга,
в нацистской
партии – вторым
после Гитлера.
Именно он утвердил
Закон о защите
крови и чести,
закон, страшные
последствия которого
всем хорошо
известны**

Рудольф Гесс

Я была цензором Гесса

Судебный процесс над нацистскими преступниками в Нюрнберге длился почти, одиннадцать месяцев. Приговор Международного трибунала был суровым: двенадцати из 24 главных военных преступников – смертная казнь через повешение, троим – пожизненное заключение, четверо получили сроки от 10 до 20 лет.

16 октября 1946 года в нюрнбергской тюрьме американский солдат привел в исполнение смертный приговор. Тела казненных сожгли, прах развеяли по ветру. Оставшиеся в живых разобрали виселицы...

А потом семь долгих месяцев победившие страны договаривались, как приводить в исполнение приговор в отношении остальных осужденных, пока наконец не решили действовать «в соответствии с законоположением о порядке приведения в исполнение уголовных наказаний в немецких тюрьмах». Союзнический Контрольный Совет счел необходимым выбрать место заключения в черте Берлина. Из четырнадцати городских тюрем самой изолированной и удобной для охраны оказалась Шпандау.

Ранним утром 18 июля 1947 года семеро заключенных нюрнбергской тюрьмы, прикованные наручниками к американским военным полицейским, на автобусе английских ВВС в сопровождении бронетранспортеров и джипов с солдатами были доставлены на ближайший аэродром. Через два с половиной часа самолет «Дакота» с необычными пассажирами приземлился в английском секторе Западного Берлина. Еще через четверть часа машина с зарешеченными окнами остановилась у ворот дома № 23 по Вильгельмштрассе – мрачного здания из темно-красного кирпича. Здесь в одиночных камерах проведут долгие годы адмирал Карл Дениц, член совета обороны Константин фон Нойрат, адмирал Эрих Редер, друг Гитлера, министр вооружения Альберт Шпеер, руководитель «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах, президент Рейхсбанка и уполномоченный по военной экономике Вальтер Функ.

Рудольф Гесс, «совесть нацистской партии», приговоренный к пожизненному заключению, в 1987 году погибнет при загадочных обстоятельствах (он был последним узником). И тюрьму сровняют с землей.

За все эти годы ни один посторонний

никогда не переступал порога Шпандау. На волю из тюрьмы уходили только письма, прошедшие строгую цензуру. Тем интереснее нам было беседовать с Маргаритой Александровной НЕРУЧЕВОЙ, подполковником в отставке, проработавшей в Шпандау военным переводчиком и цензором шесть лет.

– Итак. Ворота мрачного замка захлопнулись, отрезали этих людей от мира. Что было дальше?

– А дальше... Из караульного помещения заключенных провели в главное тюремное здание. Там в комнате надзирателей им приказали раздеться и пройти в операционную – камеру, где раньше казнили заключенных. Четыре врача – по одному от каждой союзной державы – осмотрели их, взвесили, отметив при этом, что все, находясь в тюрьме Нюрнберга в американской зоне, заметно прибавили в весе. Потом заключенных обыскали – на предмет обнаружения ампул с ядом – и препроводили обратно, в комнату надзирателей, где уже лежало семь комплектов форменной одежды с номерами – на спине и коленях. Мне рассказывали, что Рудольф Гесс, всегда претендовавший на роль первого человека в нацистской партии после Гитлера, и здесь хотел получить форму под номером один. Но ему достался последний, седьмой номер.

– Какую одежду им выдали?

– Серые рубашки и брюки, американские военные шинели, перекрашенные в черный цвет, серые тюремные шапочки и соломенные сандалии. Потом их заменили башмаками на деревянной подошве.

Все личные вещи, кроме семейных фотографий, отобрали. И тут же зачитали основные положения из Устава внутренней безопасности тюрьмы.

– А что представляла тогда собой тюрьма Шпандау?

– Это бывшая прусская военная тюрьма, построенная в 1578 году. Трехэтажная, кирпичная. Вокруг – высокая стена. За ней два дополнительных ограждения из колючей проволоки высотой в три метра. Ближайшее к стене – под током. С 1933 года Шпандау была следственной тюрьмой и сборным пунктом политзаключенных перед отправкой в концлагеря. До 47-го там еще сохранились орудия пыток, специальное помещение с гильотиной. И виселица. Обычно в тюрьме, при полной загрузке, находилось до 600 заключенных. Когда прошел слух, будто в 54-й камере здесь сидел татарский поэт Муса Джалиль, мы с нашим директором облазили все камеры. На стенах еще сохранились надписи на русском, польском, украинском, сербском. Едва ли кто-то из этих

людей в живых остался. Единственным выходом из тюрьмы был концлагерь...

– В чем ведении находилась тюрьма в послевоенные годы?

– Четырех союзных держав. Управление было сложным. Верховная Исполнительная власть поручалась Союзной комендатуре Берлина. Правовой Комитет комендатуры был Высшей Исполнительной властью тюрьмы. По рекомендации комитета назначалась администрация тюрьмы – исполнительная власть – это четыре офицера-директора, по одному от каждой державы.

– За чей счет содержалась тюрьма?

– Все расходы оплачивал Сенат Западного Берлина. Конечно, для них это было накладно. Помню, однажды на заседании директоров обсуждали письмо из Сената. Немцы отказывались увеличивать зарплату истопнику тюрьмы, югославу Кадичу. Американского директора это так возмутило, что он, сам считавший истопника бездельником, с радостью поддержал предложение француза разрешить Кадичу работать по воскресеньям: «Пусть ходит теперь с двумя пустыми ведрами вместо одного! А Сенат будет платить ему в двойном размере!»

– Истопник – югослав?

– По Уставу немцев на службу внутри тюрьмы не принимали. Вообще весь персонал тюрьмы – только лица мужского пола, принадлежащие к Объединенным нациям, прошлое которых внушает доверие.

– Ни одной женщины? А как же вы? Расскажите о себе, пожалуйста. Языки – ваше призвание? Но почему военный институт? До недавнего времени туда принимали только лиц мужского пола. Для вас тогда сделали исключение?

– Родилась я в Киеве, в семье военного, летнаба. Так называлась тогда профессия отца. С родителями пришлось покататься по военным городкам. Энгельс, Оренбург. Потом Москва – отец поступил в академию Жуковского. После его учебы – Япония. Отца направили туда по линии внешней торговли, под другой фамилией. И я так тоже стала Николаевой. Говорила всем, что зовут меня Лилия. Имя это нравилось, и как японцы произносили – Ририя – тоже нравилось. В Японии нас застала война. Помню, что уезжали мы оттуда с мамой и младшей сестрой осенью, в страшный тайфун. Добрались мы до Томска и там застряли на год. Жили на то, что мама выручала от продажи вещей. От отца не было никаких известий. И вдруг однажды я шла за водой с коромыслом и увидела его! Гораздо позже я узнала, что тогда в Японии начались провалы нашей резидентуры и отец вынужден был вернуться в Союз.

Заканчивала учебу в Москве. Очень мне хотелось заниматься в парашютной школе. У нас военруком был бывший летчик, фронтовик, он сагитировал. Собиралась поступать в летное училище, но мне отказали – война кончилась, милая девочка, поступай в медицинский. А я в это время начала еще заниматься академической греблей и главным судьей у нас был генерал Биязи – начальник Военного института иностранных языков.

– Сагитировал?

– Конечно. О нашем институте тогда стишок такой сочинили: «Институт блат и связи имени Биязи. Пришел генерал Ратов, стал институт связи и блатов». В основном учились ребята-фронтовики, девочек было мало. Поступала я на морской факультет, а заканчивать пришлось общевоинской. Потом работа. В Германию меня откомандировали уже в звании капитана, в августе 1957 года.

Назначение мое было предварительное, согласие на мою работу в тюрьме должны были дать три директора. В принципе, наше командование не нарушало Устав, там говорилось о персонале тюрьмы, а не о переводчиках. Тем не менее американцы заявили протест. В камерный блок меня не допускали. Потом все постепенно утряслось. Правда, американский директор майор Федущка не упускал случая, чтобы не напомнить, что я, хоть и офицер, но все-таки женщина, а по Уставу и так далее...

– Много приходилось работать?

– Знаете, если я начну рассказывать о своей работе переводчицей, у вас сложится впечатление, что жизнь наша в Шпандау была легкой и беззаботной. Парады, обеды, приемы. Много было встреч. И заседания директоров тюрьмы заканчивались обедами. Но для меня везде и всегда это была работа. Вот вы знаете, что значит работать с тремя языками? Это значит работать за троих. Да еще с мужчинами, да еще с курящими, да еще синхронный перевод «в ухо». Не дай Бог какая-нибудь неточность! И я не говорю еще о работе в тюрьме, о цензуре.

– Как складывались взаимоотношения в вашем межсоюзническом коллективе?

– Это зависело и от человеческих характеров, и, конечно, определялось «большой политикой». Сложнее было с американцами. Бывало, они предложат что-нибудь, наши – против, и наоборот. Помню, когда сбили Пауэрса, нам запретили здороваться с американцами на работе.

– Ну вот американцы смирились с тем, что вы женщина, и вы приступили к своим обязанностям...

– Когда наш директор сказал, что я должна пойти с ним в камерный блок, я испугалась. Виду не подала, но ночь накануне не спала. И сейчас мне не стыдно признаться, что меня трясло, когда я входила первый раз в камеры.

– Да вы же не из робких, военный человек, парашютистка. И потом... Разве заключенный мог вам что-то сделать?

– Нет, конечно. Ну как объяснить мое состояние?.. Пожалуй, много знала об этих людях такого, отчего кровь стыла...

– И первой была камера Гесса?

– Да. Он встал, как положено, навтыжку. Высокий, очень худой, очень старый, а было ему тогда... 65 лет. В темно-коричневом вельветовом костюме. На правом колене и на спине цифра семь. Мы должны были к заключенным обращаться, называя их по номерам, ни в коем случае не по имени. Гесс и с этим до конца не смирился. Он вообще не смирился, со своим положением, никогда, ни в чем не раскаивался, ни от чего в прошлом не отрекся, Гитлера боготворил до самой смерти. Наш обвинитель в Нюрнберге говорил, что Гесс трижды заслужил виселицы, хоть его от нее избавили. Он был в рейхе третьим человеком после Гитлера и Геринга, в нацистской партии – вторым после Гитлера. Именно ему в 1933-м Гитлер предоставил право принимать решения по всем партийным вопросам. В 1939-м он объявил Гесса своим преемником после Геринга. Гессу поступали на предварительное утверждение все законопроекты, он занимался подбором кадров, все военные акции Германии намечались и готовились при участии Гесса, он подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий. И в сентябре 35-го именно он утвердил Закон о защите крови и чести, закон, страшные последствия которого всем хорошо известны.

– Шпеер и Ширах веля себя иначе?

– Эти всегда улыбались, первыми здоровались, как предусматривал Устав Шпандау. В ответ на вопросы о жалобах всегда благодарили. В наш месяц серьезных претензий обычно не было.

– Как решалась проблема питания? Каждой стороной или рацион был тоже определен Уставом?

– По Уставу паек должен был по калорийности соответствовать немецкому тюремному пайку. Но каждая сторона в свой месяц закупала продукты по своему усмотрению. Мы и режим, и рацион выдерживали очень строго. Продукты закупали попроще, никаких деликатесов. Американцы привозили свежие помидоры даже зимой, покупали молоко в Дании. Они кормили заключенных почти так же, как в офицерской столовой. В одном из писем матери Шпеер сообщал: «К сожалению, у меня начинает появляться брюшко... и снова передо мной встал старый вопрос о весе. В настоящее время председательствуют англичане, поэтому у меня на столе пикули, кетчуп и английская горчица».

– По немецким законам одно из обязательных условий для заключенных – ежедневный труд. Чем занимались ваши «подопечные» в Шпандау?

– Убирали камеры и коридоры. Вначале, когда их было семеро, клеили конверты под присмотром старшего надзирателя за общим столом. Разговаривать им не разрешалось. Кто-то один при этом читал всем вслух книгу, не запрещенную цензурой. Позже конверты клеить перестали, занялись работами в саду. В трудные послевоенные годы все, что заключенные выращивали, шло на тюремную кухню.

При мне в саду работал в основном один Шпеер. Он очень любил цветы, ухаживал за грядками земляники. Гесс никогда ничего не делал. Гулял один по дорожкам или, сославшись на нездоровье, сидел, уставившись в одну точку. Однажды я наблюдала такую сцену – Гесс подметал коридор тюрьмы. Собрал мусор в совок и вдруг, оглянувшись по сторонам – не видит ли кто, – со злостью разбросал мусор снова. Ширах тоже работе предпочитал хождение по саду с шагомером, который ему передали родственники. Он очень заботился о своем здоровье.

Английский надзиратель рассказывал мне, что Ширах на ночь затыкал уши, на глаза надевал темную повязку, чтобы свет не беспокоил – надзиратели включали, осматривая камеры, – и крепко спал. Только раз ему было очень плохо. Это когда он получил известие о разводе с женой. Он даже хотел отравиться.

– И Шпеер, и Ширах были намного моложе Гесса, их поддерживала надежда выйти на свободу, а заключенного номер семь от тюрьмы избавляла только смерть. Он пытался как-то приблизить ее, сократить свой срок?

– Он был, конечно, человеком волевым. Но начинал иногда выкидывать фокусы. Помню, во французский месяц он стал отказываться от пищи. Брал тарелку с едой, а потом, когда надзиратель не видел, выбрасывал все в унитаз. За 15 дней похудел на 10 килограммов. Потом караульную службу несли мы. И вот часов в 10–11 утра, когда дежурный надзиратель был в саду с Ширахом и Шпеером, Гесс, отказавшись от прогулки по состоянию здоровья, вытащил стекло из очков и попытался вскрыть им вены. Когда наш врач оказывал ему помощь, он признался, что никому не доверяет, нарочно отказывался от пищи, симулировал боли в животе. Гесса предупредили, что он будет строго наказан. Он стал есть и принимать лекарства. За ним установили круглосуточное наблюдение, дверь в камеру держали открытой, отняли очки, ручки, зубные протезы, санитары тюрьмы обязали наблюдать за приемом пищи.

– Заключенные были лишены связи с внешним миром?

– По тюремному Уставу они имели право каждые четыре недели писать и получать по одному письму в 1200 слов. Потом разрешили писать каждую неделю по 1300 слов. Но были жесткие правила: писать только на немецком, слова не сокращать, не подчеркивать, не зачеркивать, никаких значков, никаких записок на полях. Содержание писем ограничивалось личными делами. Если требования не выполнялись, заключенных наказывали.

– Каким образом?

– Могли задержать корреспонденцию. Это было самым жестоким наказанием.

– Как они относились к цензуре?

– Были вынуждены подчиняться. Скандалы устраивал только Гесс. Однажды ему вернули письмо – переписать одну страницу. Он страшно разозлился и отдал нам чистый лист, только написал на нем внизу «Твой единственный». Иногда переписывал по три раза. Я не могла понять, назло мне делает или это уже мазам. А вообще он писал письма каждую неделю, как правило, делился прочитанным,

обсуждал своего любимца – императора Наполеона, примерял себя к этой роли. Наблюдая за самолетами, пролетающими над Шпандау, он писал, например: «... безрассудная глупость перевозить несколько десятков человек по воздуху со скоростью 400 км в час, когда они не так уж и спешат и могли бы поехать на поезде. Ежедневно тысячи самолетов своим гулом беззастенчиво нарушают покой тысяч людей. Прекращается даже пение птиц, а кролики прячутся в норы в нашем тюремном саду...» Или вот в письме сыну: «Может, ты, мой единственный сын, станешь блестящим инженером. Об этом я мечтал в юности, но не смог осуществить свою мечту... Я хотел стать инженером по переустройству мира и кое в чем преуспел, пока Судьба не сказала «достаточно» и не отправила меня в тюрьму...»

– Несмотря на строгость цензуры, запретная информация все-таки уходила каким-то образом?

– Как-то до меня еще, цензоры обратили внимание, что Денниц в письмах часто рассказывал о прочитанных книгах, называл их авторов, издателя и издание. И письма каждый раз заканчивал фразой: «Гюнтеру будет интересно это знать». А Гюнтер, зять адмирала Деница, офицер флота, был его доверенным лицом во время войны. Тогда каждого командира подводной лодки перед выполнением задания вызывали на беседу лично с Деницем или начальником оперативного отдела. Офицеру под присягой вручали шифр на базе книги «Ирландия», чтобы он, попав в плен, смог в письмах семье сообщить чрезвычайно важную информацию: каким образом была потоплена его лодка. Дата отправки письма должна быть подчеркнута. Ну а жена, родственники офицера обязаны были доставить письмо из плена в штаб. Поэтому приписки Деница навели цензоров на мысль о шифре. Получать книги из дома заключенным запретили. Но каналы нелегального обмена информацией все равно существовали, никакая охрана их неспособна перекрыть.

– Это могло происходить во время свиданий?

– Трудно сказать. Во время свиданий в комнате обычно находился кто-то из переводчиков и надзиратель. Посетителя и заключенного разделяла решетка. Ее сняли в 52-м. Несмотря на все эти суровые правила Ширах и Шпеер очень дорожили свиданиями. А Гесс ни разу не пригласил жену приехать, так и не увидел сына, родившегося без него. Властям Шпандау он это объяснял так: «Я считаю недостойным встретиться с кем бы то ни было в подобных обстоятельствах». Хотя позже он обращался к американцам с просьбой отпустить его к семье на Рождество.

– Кто-нибудь пытался освободить заключенных?

– Шпандау была очень надежной тюрьмой. И Устав предусматривал все меры безопасности. Знаю, что в 1953 году британская разведка раскрыла заговор против правительства Западной Германии. Возглавлял его Вернер Нойман, одно время помощник Геббельса. На допросах заговорщики признались, что планировали организовать побег заключенных из Шпандау. Да еще Отто Скорцени хвастал, что смог бы с сотней надежных парней и парой вертолетов вызвать Гесса.

– О тюрьме Шпандау писали в те годы?

– Выходила книга английского журналиста Фишмана «Семеро из Шпандау». Но писал он со слов родственников. В тюрьме он не был. Как ни старался, не пустили. А вот в 1974 году появились воспоминания Гесса, записанные бывшим американским директором тюрьмы Юджином Бэрдом. Это было грубейшим нарушением Устава. Злоупотребляя служебным положением, Бэрд за мелкие услуги и побрякушки вытягивал из Гесса признания. Но если отбросить моральный аспект... Записки эти интерес, конечно, представляют. Лишний раз убеждаешься, как прав был советский обвинитель в Нюрнберге, требуя сурового наказания для Гесса.

– Гесс ведь в то время уже оставался в Шпандау один?

– Да, с 1966 года. И Западная Германия третила на содержание одного узника до 850 тысяч марок в год. Книга Бэрда вызвала поток требований освободить старца из Шпандау, дать ему возможность вернуться в семью, осуждали советские власти за слишком строгое исполнение решений трибунала. Но были и те, кто не забыл, за что осудили Гесса.

В мае 1941 года Гесс на самолете в одиночку перелетел в Англию. Зачем? Был уверен, что ему удастся склонить Англию выйти из войны. Не исключал при этом, что его могут объявить сумасшедшим, и надеялся вернуться в Германию через пару дней. Он ошибся. Четыре года провел он в Англии формально на положении узника, а после окончания войны его доставили в разрушенный Нюрнберг во Дворец юстиции, на скамью подсудимых.

В стенограмме Нюрнбергского процесса зафиксирован примечательный факт. На заседании 31 августа 1946 года Гесс пожелал сообщить трибуналу о своей миссии в Англии, но успел только произнести: «Весной 1941 года...», как его прервал председатель трибунала англичанин Лоуренс. А потом Гесс отказался отвечать на вопросы судей и обвинителей, разыгрывал невменяемого, потерявшего память.

На потерю памяти часто ссылался и в тюрьме, ни с кем не общался, отношения с заключенными были плохими, особенно с Ширахом. Но вот он остался в тюрьме один.

– Наверняка ему было тяжело. Вы знаете что-нибудь о его последних годах, днях?

– Уехав из Берлина, я долгое время переписывалась с нашим директором тюрьмы подполковником Лазаревым. Поэтому была в курсе событий. Он очень подробно писал мне о том, как освобождали Шпеера и Шираха, как все было продумано и точно, как по нотам, разыграно. В 23 часа 48 минут в своих камерах Шпеер и Ширах переоделись, в 23.58 вышли из камер, за 2 минуты покинули здание тюрьмы, поздоровались с родными, сели в машины и ровно в 24.00 покинули территорию тюрьмы. После того как машины скрылись, собравшаяся у тюрьмы толпа начала скандировать: «Свободу Гессу!» Была потасовка, были раненые, арестованные. А Гесс...

Лазарев уехал из Берлина. Больше я ничего не знала ни о тюрьме, ни о Гессе, пока в 1987-м не прочла в «Литературке» небольшую заметку о его «самоубийстве». Я не поверила в это.

Гесс пять раз пытался покончить с собой, но это все было демонстрацией. В 87-м он был уже очень стар и болен. Не мог встать самостоятельно, очень плохо видел, страдал артритом, почти не владел пальцами рук, не мог завязать шнурки. Я читала интервью с Бэрдом, бывшим американским директором Шпандау. Он говорил, что в тот день к Гессу не хотели пускать Маури, санитар-тунисца, который опекал его. С трудом прорвавшись к садовому домику, Маури увидел Гесса лежавшим на полу. В домике находились американский надзиратель и еще двое военных. Их присутствие было грубейшим нарушением Устава. Санитару посоветовали держать язык за зубами, но он отправился в полицию и изложил все на бумаге.

После передачи Бэрда по Би-Би-Си Скотланд-Ярд хотел было заняться расследованием, но правительство запретило.

Секретные документы о цели полета Гесса в Англию обещали обнародовать до 2000 года, потом срок перенесли на 2015 год. Может, смерть Гесса связана именно с этим. Может, он хотел заговорить, а кому-то это не понравилось...

– Вы не жалели, что шесть лет занимались таким неженским делом?

– Тогда жалела. Работа казалась скучной, однообразной. Рвалась очень домой, в Москву. Позже уже пришло осознание того, что я была причастна к историческим событиям. ■

Записала Лариса РЕШЕТНИКОВА

Рудольф Гесс во время
Нюрнбергского процесса

**Расплатой
за несколько
недель
вырванного
у войны счастья
стал ГУЛАГ.
Но они не жалеют
о той первой любви,
пронеся память о ней
через всю свою
изломанную жизнь...**

Любовь по ленд-лизу

Ольга ГОЛУБЦОВА

Специально «Совершенно секретно»

Майский день 1995 года выдался неласковым и холодным. Пронизывающий ветер с колючими снежинками. В архангельском аэропорту журналисты встречали английских ветеранов, членов «Русского конвойного клуба», прибывших отпраздновать с союзниками 50-летие победы над фашистской Германией. Прямо у трапа один из них, Уильям Лоуз, потянув меня за рукав, озадачил вопросом, знаю ли я Зину Кузнецову из интерклуба. Что-то пронзительно-тоскливое было в глазах сухоощавого старика:

– О'кей! Будем искать Зину.

Так я начала открывать для себя эту историю.

В НАШУ ГАВАНЬ ЗАХОДИЛИ КОРАБЛИ...

«Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем», – обещал Уинстон Черчилль в день объявления Гитлером войны Советскому Союзу. Президент США Рузвельт поддержал британского премьера – и вскоре к берегам СССР потянулись десятки судов с вооружением. Первый караван союзников под кодовым названием «Дервиш» прибыл в Архангельск 31 июля 1941 года. Каждый английский конвой доставлял в Советский Союз до трехсот единиц одних только танков «Валентайн» и «Матильда». Всего же из Великобритании в СССР за годы войны было завезено 5218 танков, 7411 самолетов, 4932 противотанковых орудия, 14 тральщиков, 9 торпедных катеров и 4 подводные лодки.

Технику требовалось не только разгрузить, но и собрать, проверить работу всех механизмов, проконсультировать, а когда надо – и обучить русских специалистов. По воспоминаниям очевидцев, к 1943 году Архангельск был буквально наводнен иностранцами. В городе открылась Британская военно-морская миссия. Моряки с прибывающих караванов в кубриках не засиживались. И специально для их культурного времяпрепровождения, а попросту говоря, чтобы не совали свой нос в секретные щели, в Архангельске, Молотовске (ныне Северодвинск) и Мурманске открыли интерклубы.

Молодость не спрашивает, мирное ли, военное ли время на дворе. Бравых моряков не могли не заметить местные девчонки. Англичане были галантными кавалерами. Не нахальны. Одаривали подарками и превосходно танцевали. Девушки почитали за счастье получить приглашение на танцы или на демонстрацию зарубежного фильма «Анна Каренина» с Гретой Гарбо. Забыв про войну и пайку хлеба на домашнем столе, они хотели хорошо выглядеть – крутили на голове модные валики, из старой маминой одежды шили шикарные платья «рюмочкой». Но за дружбу с иностранцами, а тем более замужеством, в те годы следовала расплата.

По дороге из аэропорта в Мурманск высится странная сопка под названием Лысая Гора. И действительно – лысая. С этой горы во время войны мурманские девушки и женщины снимали дерн для балласта, чтобы суда не уходили в обратный путь без полезного груза. Так обеспечивалась остойчивость кораблей. Жуткое впечатление производит этот молчаливый памятник

войне. Здесь никогда больше не зацветет иван-чай.

Билл, тяжело вздыхая, достает из холщовой походной сумки альбом с документами времен его службы в английской миссии. Будучи радиоинженером, он помогал русским осваивать английские самолеты «Харрикейн», прибывшие с караваном союзнических судов в Мурманск. Затем его откомандировали в Архангельск.

Он очень хотел бы найти Зину, русскую подругу своей боевой юности. Может быть, она, его первая любовь, за дружбу с иностранцем ушла по этапу в Сибирь? Но что стало с ее дочерью Руфой? Желая помочь ему в поиске, я опубликовала заметку в областной газете.

К очередному приезду Билла накопилась пачка писем, адресованных ему лично. Распечатываем их вместе. Увы, поступившая почта не принесла весточки от Зины, дала лишь несколько новых ниточек для поиска. И Вера Георгиевна, и Елена Ивановна, и Капитолина Федоровна, и Валентина Григорьевна, написавшие в газету, – все они помнят Зину и ее маленькую дочку, но никто не знает, где их найти сейчас. Не помог даже бывший старший следователь архангельского НКВД Арсений Иванович, с которым мы встретились по его инициативе и говорили о «жертвах военной любви».

Весьма доброжелательный человек, он многое помнил. Допросы арестованных девчат велись только по ночам: таково было предписание сверху. Если следователи отпускали заключенных в камеру в три часа утра (или ночи?), то за такую поблажку получали взбучку от начальства. По статье 58 проходили шесть или семь девчат из Молотовска. Из Архангельска – не меньше ста. Но фамилии Кузнецовой мой добровольный помощник среди них не помнит. Значит, Зина иде удалось избежать лагерей? Редкий случай. Для этого требовались веские причины и высокопоставленные заступники. Сомневаюсь, что таковые оказались у Зины, но на фоне других трагических судеб, ставших мне известными, хотелось верить именно в эту версию.

Многие из возлюбленных английских моряков долгие годы боялись вспоминать о приключениях молодости. Но жгучий интерес заставил их написать Биллу. От бывших девчонок пришли просьбы разыскать Джимми, Эрика, Томаса...

ИНТЕРДЕВОЧКИ

Мне говорили: «Да не найдете вы никого. Всех девчонок, которые ходили в интерклубы, после войны посчитали проститутками, посадили на баржу и утопили в Белом море!» Однако я собрала множество документов, разыскала свидетелей того времени и смогла найти ответы на вопросы, была ли баржа, на которой утопили девушек, а также было ли в этих местах нечто подобное «борделю». В моих руках оказался ответ губернатору Мурманской области Ю.А. Евдокимову из Управления ФСБ РФ по Мурманской области: «Каких-либо данных, прямо или косвенно указывающих на существование в годы войны в г. Мурманске под покровительством органов НКВД публичного дома и затопление баржи с его персоналом, не обнаружено».

А прежде чем перейти к описанию конкретных судеб, вкратце расскажу об интерклубах военной поры и обстановке вокруг них.

...В составе каравана QP-11 следовал теплоход «Циолковский» – сопровождал конвой по маршруту Мурманск – Ливерпуль. В результате налета вражеской авиации погибли 29 членов экипажа и сам теплоход. Среди оставшихся в

живых четырнадцать человек – второй механик Николай Курт. На берегу он получил важное партийное задание – возглавить мурманский интерклуб. Знающий морскую культуру, обычаи и нравы моряков, широко образованный (он даже играл на фортепиано), Курт как нельзя кстати пришелся к интерклубовскому двору. Только добрые слова я слышала в его адрес от свидетелей тех суровых дней. К сожалению, Николая Титовича уже нет в живых.

С фотографии смотрит человек с умными яркими глазами. Ему было 32 года. Вечно ходил с трубкой и вел дело творчески: организовывал концерты, лекции. Жена его, Мария Леонтьевна, тоже часто приходила в клуб как на работу, а дочка Рогнеда на сцене танцевала «Яблочко».

О другом интерклубе – в Молотовске – рассказывает Лидия Черняева, первый библиотечарь города, ныне – почетный гражданин Северодвинска: «На втором этаже клуба строителей располагалась контора интерклуба. Еще в 1938 году туда завезли старинную мебель, зеркала и бархатные портьеры для приема важных персон. Вот и стодилось. Там заправляла переводчица Вера из архангельского педагогического института. На первом этаже в зале показывали фильмы. Союзники курили прямо там. У нас так было не принято, и мы удивлялись. Но никто не хамил. После сеанса сдвигали стулья по стенкам и крутили пластинки (например, «Цветут фиалки, ароматные цветы») до наступления комендантского часа. Вальс, фокстрот, танго. Мы жили бедно, голодно, одевались плохо, поэтому танцевать ходили неохотно».

Английский историк Ричард Вудман в книге «Арктические конвои: 1941-1945» упоминает молотовчанок: «Женщины в основном были тяжелы телом и чертами лица и делались еще тяжелее от своей одежды. Однако я хотел бы подчеркнуть, как дружелюбны были эти люди, особенно по контрасту с военными, которые всегда были строго официальны и сердиты».

В 1943 году в Архангельске сигнальщики Лен Таки и Холлидей в перерывах между работой выпускали стенную рукописную юмористическо-сатирическую газету «Неправда». Остроты точно подмечали изъяны в существующих порядках: «Из нашего долгого почтового ящика. Вопрос: «Господа, как вы считаете, найдется ли место для нескольких друзей и родственников за обеденным столом в вашем общежитии на ул. К. Маркса?» Ответ: «Разумеется, мы готовы обедать во дворе, чтобы им досталось больше места в бардаке».

А как вам такое «объявление»: «Море счастья в океане мира. Проведите свой отпуск в Архангельске!»

Архангельск как реален, так и нереален, он смесь того и другого. Красивейшие девушки, изысканные рестораны, золотые пески, а воздух единственный в своем роде во всем мире – сладкий и свежий. Познакомьтесь с достопримечательностями вместе с отделением Ассоциации Христианской Молодежи, слившись в радостном союзе. Вы будете потрясены! За подробностями обращайтесь к вербовщику на военную службу. Сделайте это БИСТРА!»

Газета веселила союзников, не привыкших еще к русскому быту. Позволю также привести в «мягком» переводе на русский цитату из песенки, сочиненной издателями:

**«По долбанным тротуарам трудно ходить -
Долбано деревянным и долбано скользким,
Долбано ступишь – перелом спины
В долбанном старом Архангельске.**

Военные конвои связали судьбы русских девушек и английских моряков.
Слева: Зина Кузнецова и Билл Лоуз в молодости

**Когда придет конец этой долбанной войне
И победа будет нашей окончательно,
Мы, британские парнишки, радостно сбегим
Из долбанного старого Архангельска!**

И так далее и в том же духе. С «Неправдой» никто не боролся. Просто попросили свои же старшие офицеры из вежливости к русским прекратить выпуск. Ребята попались послушные, перестали ерничать.

Молодым людям просто хотелось отдохнуть и повеселиться после опасных морских переходов. Моряк по имени Дуглас вспоминает: «В клубе нам разрешалось выпить всего две стопки водки. Но иногда мы могли получить еще порцию, если давали официантке шоколадку. И, таким образом, мы были очень пьяны. Только и всего». Девушки встречали их ухаживания с холодной учтивостью. Как пишет в книге Ричард Вудман, «демонстрация слишком теплого отношения к гостям вела к таинственным исчезновениям».

МАЛЕНЬКИЙ ВЕРУНЧИК

«Я называла Джимми Яшей. Мы любили друг друга. 52 года ничего не знаю о нем», – написала Биллу архангелогородка Вера Георгиевна Цируль, которая первой откликнулась на обращение о поиске Зины Кузнецовой. И была за это щедро вознаграждена.

...В доме по ул. К. Маркса, 1, как раз напротив «английского общежития» в Архангельске, жили две подружки, которых моряки меж собою звали «big» Вера и «little» Вера. «Маленькая» Вера была дочерью начальника Архморпути Георгия Яковлевича Наливайко, состоявшего в большой дружбе с уполномоченным Государственного комитета обороны, героем-челюскинцем Иваном Папаниным. Дочка известного генерала, построившего в 1941 году знаменитую ледовую железнодорожную переправу через Северную Двину для отправки грузов союзников, слыла большой умницей: в Ленинграде до войны изучала французский и испанский; эвакуировавшись в родной Архангельск, быстро освоила английский язык.

Веру часто приглашали в качестве переводчицы на встречи с иностранцами. Ей довелось участвовать в архангельских переговорах между заместителем председателя Совнаркома А.И. Микояном и послом США А. Гарриманом. Папанин частенько брал Веру в помощницы при беседах с главой британской миссии капитаном Мондом. Спустя годы, «маленькая» Вера не сомневается: ее не постигла горькая судьба многих архангельских девчонок, имевших контакты с иностранцами, только благодаря авторитету и заступничеству Папанина.

Хрупкая интеллигентная девушка нравилась многим англичанам, а Джимми все хотел выговорить по-русски нежное «Верунчик», а получалось «Чик». До войны Джимми учился в университете, вот и в Архангельске он часто заглядывал в библиотеку, где видел склонившуюся над книжками Веру. Однажды Джимми принес ей в подарок оксфордский англо-русский словарь – Вера потом всю жизнь хранила изящный бордовый томик. Так и познакомились.

Молодые люди старались скрывать от посторонних глаз дружбу, переросшую в любовь. Летом встречались на «кошке». Яша-Джимми хорошо знал, что так называются песчаные островки-отмели на Северной Двине. Брал лодку и гроб веслами

как умел. В нагруженной сумке были галеты, тушенка, а термос наполнен горячим шоколадом. Хоть Вера и генеральская дочка, а отошала в те месяцы, даже дополнительный паек не помогал. «Чик» ждала Яшу тоже со своими, пусть и скудными, гостинцами, выращенными на собственном огороде перед домом прямо в центре Архангельска (благодаря таким «подсобным хозяйствам» горожане спасались от голода: пайка хлеба в Архангельске была такая же, как в блокадном Ленинграде). Печеная картошка приводила Джимми в полный восторг.

И Вера, и Яша прекрасно понимали, что женитьба невозможна. Но дружба продолжалась. В 1944 году Джимми Моррисона отправили на только что открытый «второй фронт». В целях безопасности письма для Веры регулярно передавал сержант британской миссии Уильям Пэйт, ведь переписка не поощрялась властями. Но однажды весточки приходит перестали. По просьбе отчаявшейся Веры Пэйт разузнал, что Джимми ранен и отправлен в госпиталь. Выжил ли? Ответа на этот вопрос Вера не знала более пятидесяти лет.

Война закончилась, Вера уехала в Молотовск, где преподавала английский в школе. Дети спрашивали: «Вас тоже посадят, как и предыдущую нашу учительку?» От таких вопросов холодела спина.

В послевоенном Молотовске было несладко, жилья, даже комнатухи в общежитии, все не давали. Спала на стульях прямо в своем кабинете. К концу первой учебной четверти удалось получить перераспределение обратно в Архангельск. Уезжала пароходом. Поздним ноябрьским вечером пришвартовались на речном вокзале. Глянула – он полон народу. Молодые красивые женщины рыдают, напирают на оцепление. А их с разных точек фотографируют юркие люди в штатском.

Оказывается, в этот день Архангельск навсегда покидал персонал английской миссии. Провожать их с горькими слезами и причитаниями вышли все русские подружки. А вскоре начались повальные аресты – «изъятие активных проституток», говоря языком официальных документов тех лет. В страхе Вера сожгла все фотографии и письма Джимми, заучив наизусть его адрес.

Дальнейшая жизнь «маленькой» Веры сложилась более или менее счастливо: интересная работа преподавателя английского языка, понимающий муж – моряк заграничавания, – любящие дети. В сердечной тайне Вера призналась мужу сразу. И однажды, будучи в порту Глазго на стоянке, он сходил по указанному ею адресу. Джимми он не застал, а пускаться в поиски через посторонних людей тогда было опасно. Морская судьба не пощадила Вериного мужа, в 1963 году при возвращении судна из Галифакса его смыло с палубы штормовой волной.

Когда наступило время перемен и начались визиты английских ветеранов в Архангельск (с празднования 50-летия союзных конвоев «Дервиш-91»), Вера Георгиевна все чаще вспоминала про Джимми-Яшу. В 1995 году, прочитав мою заметку «Кто звал сержанта Билла?», «маленькая» Вера написала большое письмо по-английски. Она не знала Зину Кузнецову, которую разыскивает Билл, но помнила самого мистера Лоуза. Уж не он ли часто стоял в окне и смотрел в бинокль на проплывающие по Двине корабли и изредка, украдкой, – на нее?

Когда Билл читал эти строки, то плакал и смеялся одновременно – только у него из всех жильцов дома-общежития был

Уильям Лоуз на встрече английских ветеранов, членов «Русского конвойного клуба», в мае 1995 года

бинокль! Он тут же отправился навестить «маленькую» Веру и выложил перед ней групповую фотографию, на которой среди трех десятков моряков она сразу узнала Джимми:

– Вот он, второй справа сидит.

А Билл важно сообщил:

– Джимми Моррисон жив! Я обязательно передам ему весточку от тебя!

Вера Георгиевна Цируль ждала письма недолго. Моррисон писал, что в тот вечер поднял телефонную трубку и услышал от только что вернувшегося из России Билла: «Яша, тебе привет от Верунчика!»

Джимми на тот момент было 85, он жил в 30 километрах от Эдинбурга в небольшом городе Пиблс (вот почему Вериный покойный муж не смог разыскать его в Глазго). Жена, четверо детей, семеро внуков. До пенсии работал в банке. Много путешествовал: Австралия, Америка, Германия. И в России бывал дважды, но не мог даже представить, что когда-нибудь узнает про Верунчика. Джимми очень захотел ее увидеть: «Хорошо, если бы ты приехала в гости, да побыстрее!» А еще ему интересно, как называются сейчас в Архангельске набережная Сталинских ударников и проспект Павлина Виноградова, какие танцы популярны и танцуют ли еще вальс «Синенький скромный платочек»? Джимми так же бережно, как Вера словарики, хранил все эти годы фотографии архангельских времен. И прислал ей копии: «Какая ты была красивая!»

А Вера Георгиевна, перебирая их, обронила:

– И он ничего. Правда, симпатичный?

Я соглашалась и радовалась, что поиск удался. Вера Георгиевна лежала с тяжелым переломом, почти не вставая. Новость о Джимми стала для нее лучшим лекарством: она научилась вновь ходить, сначала на костылях, затем с палкой, а по квартире – и вовсе самостоятельно. Вспомнила английский. Хоть жизнь разломана на две половинки, переписке ничто теперь не мешало. За пятьдесят с лишним лет Джимми не забыл Веру, и это главное. Хэппи-энд. Один из немногих в историях любви по-английски военной поры.

В последний свой отпущенный на земле год Вера Георгиевна очень спокойно, как неизбежность, восприняла нагрянувшую внезапно болезнь и мужественно боролась с ней. Грузно опираясь на трость, крепясь изо всех сил, она весело говорила: «Оля, ты посмотри, какая из нас кофта! Это Джимми прислал в подарок». Вера Георгиевна писала многим английским ветеранам, приятелям тех военных лет. Но вот передо мной ее последняя новогодняя открытка: «Получила поздравительное письмо от Билла и Джимми. Больше уже не от кого».

В марте 2001-го Веры Георгиевны Цируль не стало. «Крепка, как смерть, любовь» – эти слова из Библии, прозвучавшие из уст отца Константина на проповеди в архангельской Церкви Всех Святых после отпевания, были глубоко символичны. Крепка любовь, которую пронесла Вера через всю жизнь.

У гроба рыдала хрупкая скорбленная Елена Ивановна Иванова (рассказ о ней впереди): «Вера, я скоро к тебе приду».

После смерти мамы и бабушки семья разбирала ее архив. Там нашли замечательную балладу «Вспоминая тебя», написанную Джимми после расставания с Верой в 1944 году. Незадолго до смерти (он ушел почти сразу за своей русской возлюбленной) Моррисон разрешил мне опубликовать эти стихи в память о Вере.

Вера Георгиевна Цируль в 1995 году со словарем, подаренным Джимми во время войны. Справа: Вера и Джимми Моррисон на Кегострове в 1943-м

воюющих стран. У молодых влюбленных в 1944-м родился сын, которого назвали Эдиком. В загсе зарегистрировали на фамилию отца и записали: Эдуард Эрикович. А вскоре старшего Кемпбелла перевели на другое место службы. Так часто случалось, когда вышестоящие военные чиновники узнавали о серьезных взаимоотношениях своих подчиненных с русскими девушками. Последнее письмо Леночка получила с Бермудских островов. Но посылки с гостинцами приходили регулярно. Прислал телеграмму: «Тоскую».

Каким был Эрик? Дворянин, представитель высшей аристократии, щедрый и обходительный, остроумный и культурный. Помогал Елене, студентке-заочнице института иностранных языков, справляться с заданиями по английскому. Интересовался, сколько факультетов, студентов на курсе, какая плата за учебу в вузе. Он рассказал Елене, что караваны по ленд-лизу обозначаются литерами PQ не просто так: это инициалы глубоко засекреченного человека из Лондона, который круглосуточно по радию руководит продвижением судов в Арктике. Она тоже выдала ему многие «военные тайны»: что квартплата за восемнадцатиметровую комнатуху – 17 рублей в месяц, что в роддоме рожают бесплатно, что норма хлеба от 500 до 800 граммов для взрослого, а на ребенка 150-350 граммов.

Леночка «указала» ему месторасположение краеведческого музея, театра, кинотеатров «Эдисон» и «Арс», своего института. И (подумать только!) покорно выслушивала его «тенденциозные и клеветнические измышления».

– У вас запрещено выражать свои мысли, за это арестовывают и сажают в тюрьмы. У нас безработные живут лучше, чем ваши служащие. Каждый имеет дом и машину.

Эрик возмущался советскими порядками, ежемесячно доставлял Лене десятикилограммовые баулы с пропитанием и даже дал как-то 800 рублей. Девушка поделилась радостью с подружкой Тамарой. Эх, если б знать, что та «застучит» такую новостиху.

«ДЕДУШКА ЙОСЯ, ЗАЧЕМ ТЫ МАМУ ЗАБРАЛ?»

Елену арестовали 13 октября 1946 года прямо в библиотеке, где она работала. Мама ее, Марфа Ильинична, потом рассказывала, что Эдик, которому в то время и трех лет не было, весь вечер стоял на коленях, держа ручонками портрет Сталина, и плакал: «Дедушка Йося, зачем ты мою маму забрал?»

А ей уже предъявили обвинение по 58-й статье: пункт 1а – шпионаж, пункт б – террор и пункт 10 – антисоветские разговоры. С работы услужливо скоро прислали характеристику: «Позволяла себе опаздывать. Была временами груба и дерзка. Политически безграмотна. Но благодаря замечаниям в последнее время изменилась к лучшему, вступила в политкружок». На первых допросах Елена виновной себя не признала: «В шпионской связи с английскими разведчиками я не состояла и никакой работы в их пользу не проводила». Добрый следователь не бил, а только истязал ночными пяти-, шестичасовыми допросами. Девушка не сдавалась, даже пришлось продлить срок следствия. Наконец, Елена не выдержала, «раскололась»: «Я сообщила Эрику сведения, имеющие важное значение, информировала его о политической и хозяйственной жизни, нелегально распространяла слухи о том, что Север будет передан в аренду англичанам на 20 лет».

Слухи о такой «аренде» родились не на пустом месте – этот вопрос обсуждался однажды в телефонном разговоре между Сталиным и Черчиллем и просочился в массы.

В деле гражданки Ивановой наступил перелом. Последовали очные ставки. Показания двенадцати свидетелиц, выгораживающих Лену, аккуратно подшиты в томик «Дела № 29185», 230 листов протоколов, постановлений и справок. И только Тамара, тринадцатая по счету, докладывала: «Она имела подарки: платья, туфли, продукты, деньги».

В конце января состоялся военный трибунал, на котором Елена призналась:

– Я всегда откровенно отвечала на вопросы Эрика, не понимая, что связь с ним – преступна.

Срок – десять лет. Личную переписку на 31 листе, конверты с адресами, английские блокноты уничтожили «путем сожжения». На пересылку отправили лаконичную врачебную справку: «К физическому труду годна. Диагноз: хронический гепатит, невроз сердца». Никакие апелляции не помогли. Осужденную, окружив конвоем с собаками, повели на пристань Северной Двины и на пароходе переправили в пересыльную тюрьму.

Лене досталось место на верхних нарах. Прогулка – 20 минут в день. Жидкая баланда – раз в день, политическим в последнюю очередь. Потом отправили в Молотовск. Там работала на стройке: грузила кирпичи в «люльку» – адский труд! А иногда получала день «кантовки», когда посылали в швейную мастерскую обрезать пуговицы с потрепанных пальто. В глазах рябило от сотен этих пуговиц!

Там, в Ягринлаге, формировался этап политссыльных и собирали народ со всей России для отправки в Сибирь. Наконец, этап в 10 тысяч человек был укомплектован. Леночку ждал Тайшет – лагерь для «спецконтингента особо опасных преступников», самое строгорегимное место заключения.

Расхожее выражение «хлипкий интеллигентшишка» – это про нее. Девчонка весила уже 35 килограммов, а мешки на себе таскала по полцентнера весом. Загнали в каменный карьер, потом на лесоповал. В тайге не услышала тревожное «поберегись!» – и сосна грохнулась прямо на голову. Баранная перепонка лопнула, осталось 50 процентов слуха, но никого не волновали чужие болячки. Выжить помогала только мысль о ребенке.

Все знакомые отвернулись от семьи «врага народа», и так было долгие восемь лет. После «холодного лета 53-го» ее полуграмотная мама Марфа Ильинична стала рассылать по нужным адресам ходатайства о помиловании: «У дочери – больная печень, инвалидность третьей группы. Живем с мальчиком на мою пенсию 201 рубль. Меня разбил паралич. Эдик хорошо учится, но я не имею возможности создать ему условия для учебы. Испытываем страшную нужду, часто в доме нечего кушать».

Елена и сама проявила активность – отправила просьбу о помиловании Клименту Ворошилову: «По легкомыслию я позволила зарегистрировать ребенка на нерусскую фамилию и не понимала, что переписка с Кемпбеллом является нелегальной, карается законом. За это я отсидела уже восемь с половиной лет. Прошу пересмотреть сроки моего наказания. От вашего решения зависит счастье моей маленькой семьи». И вот дело сдвинулось с мертвой точки.

От заместителя генпрокурора Н. Рычкова в Военную коллегия Верховного Суда пришел протест: «При наличии имеющих в деле данных у суда не было достаточных оснований для признания Ивановой виновной в измене Родине, поэтому приговор подлежит отмене, а дело – прекращению».

Следом было определение Верховного Суда: «Приговор военного трибунала от 28.01.47 г. отменить. Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Иванову из-под стражи освободить». Так после девяти лет тайшетских лагерей «шпионка и террористка» была реабилитирована.

Вернулась домой больной и разбитой. В библиотеке мед-института приняли с распростертыми объятиями, а зарплату дали совсем мизерную. Соломбальскому ребенку, имеющему отца-капиталиста, пособий от советского государства не полагалось. Эдик не смог получить приличного образования, даже средне-специального, и все из-за своей фамилии. Так до смерти (он умер в пятьдесят лет от инфаркта) и был простым рабочим на лесозаводе. В надежде получить как мать-одиночка пособие на сына, Елена принялась хлопотать о лишении Эрика Кемпбелла отцовства через Министерство иностранных дел. Это оказалось долгой и непростой затеей, ведь в Англии не принято отказываться от детей.

Эпопея завершилась получением из посольства Великобритании важного документа. Елена Ивановна протягивает мне оригинал заявления, сделанного господином Кемпбеллом: «Торжественно и искренне заявляю под присягой следующее: я являюсь отцом Эдварда Эриковича, рожденного Е. И. Ивановой в Архангельске 19.01.1944 г., и отрекаюсь от всех своих отцовских прав на названного ребенка в дальнейшем. Графство Ланкастер. Манчестер. 15.08.59 г.». Окольными путями до Лены дошли слухи о том, что Эрик обиделся на нее до глубины души за нанесенное оскорбление и несмываемый позор.

Впрочем, Елена простила Эрику непонимание ее шага. Чтобы разбираться в советских законах и политических установках, надо жить в этой стране. Кроме того, Эрик не знал про ее ГУЛАГ.

Лена так и не вышла замуж: «Я однолюб» – да и до поклонников ли, когда все заботы были о куске хлеба для сына и для себя. Когда Эдик умер, Елена Ивановна решила сообщить отцу о смерти сына, но письмо вернулось из Манчестера с отметкой: «Адресат выбыл».

ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ КРЕСТИКОВ

Встреча с Биллом стала новым рубежом в ее жизни. Оказалось, он хорошо знаком с Кемпбеллом. Билл находился в Архангельске в 1942 году, когда туда были доставлены моряки с погибших судов каравана PQ17. Именно с этим печально известным PQ17 Эрик следовал к месту службы в Архангельске. Билл рассказывает:

– Чудом оставшиеся в живых моряки этого каравана в основном прибывали в Мурманск, меньше – в Архангельск. Многие были обморожены, закутаны в намокшие байковые одеяла. Под госпитали оборудовали школы. Они лечились, приходили в себя, а до отправки домой в Великобританию

ВСПОМИНАЯ ТЕБЯ

Прошло полгода – долгий срок –
С тех пор, как были вместе мы.
Но я все вижу, как вчера,
Вспоминая тебя.
О, эти месяцы с тобой! Они так были коротки!
Но я в душе их сохраняю,
Вспоминая тебя.
Я замечая, что сейчас
Я молчаливым, хмурым стал.
Я улыбаюсь, лишь когда
Вспоминаю тебя.
Никто не может заменить
Тебя, и я совсем один.
Но вижу – жизнь
Не так плоха,
Вспоминая тебя.
Я был счастливым
Лишь с тобой.
Но и сейчас, в разлуке,
Ты приносишь радость мне,
Когда я вспоминаю тебя.
Я часто говорил тебе
О том, что я тебя люблю.
Я повторяю это вновь,
Вспоминая тебя.
Только тебя!

ШЛЯПКА ВСЕ ПАДАЛА И ПАДАЛА...

Кроме своей истории, «маленькая» Вера рассказала мне о судьбе подруги – Елены Ивановны Ивановой из Соломбалы. Отправляюсь по указанному адресу в надежде узнать что-либо о Зине Кузнецовой. Но и Елена Ивановна, которая хранит тайны многих землячек, друживших с иностранцами, прояснить что-либо в отношении Зинаиды не смогла. Сама же Елена сполна испила из чаши страданий.

В кухоньке крохотной однокомнатной квартиры Елена Ивановна жадно затягивается «Беломором», кутаясь во фланелевый халат:

– Олечка, боль проходит. Остается только память от этой боли.

...Шляпка все падала и падала, кокетливая такая, шитая из мягкого фетра с крутыми полями вверх. А Леночка с Эриком все целовались и целовались на щербатой, покосившейся лестнице деревянного домика. Назавтра он принес в кармане кителя круглую английскую резинку, стесняясь, протянул: «Так удобнее будет? Пришей!» И оба прыснули со смеху. Потом был большой футбол на городском стадионе. Эрик – капитан. Его команда в товарищеском русско-английском матче победила. Огромный букет цветов – подарок советских властей – он тут же вручил Леночке, стремительно избежав на трибуну болельщиков. Белокурый, высокий, разгоряченный от игры, прижался: «Люблю тебя!»

Телеграфист Британской военно-морской миссии Эрик Кемпбелл имел самые серьезные намерения жениться на библиотекарке Архангельского мединститута Леночке. Но подобные браки не поощрялись правительствами обеих

Слева направо: Эрик Кемпбелл, Лена Иванова, ее дело №29185, Елена Ивановна с внучкой Ириной

делать им было нечего, и в ожидании попутных судов они все играли в футбол. С местным населением они общались совсем мало, потому что считалось, что чем меньше контактов, тем лучше. Во-первых, русские вообще были настроены против иностранцев. Во-вторых, мы жили в разных местах Архангельска: в Соломбале, Экономии, Маймаксе, на Бакарице. Эти районы, расположенные в нескольких километрах друг от друга, в те времена не имели прямой связи с центром Архангельска. Нужно ехать на лодке, зимой – идти по льду. Но с Эриком мы все же встречались.

Чемодан Билла пополнился фотографией симпатичной Эриковой внучки Ирины. По мнению ветеранов английских конвоев, приехавших в Архангельск вместе с Биллом, Ирина и двое ее детишек очень похожи на деда-прадеда.

А я послала с Биллом письмо для Эрика: «Уважаемый мистер Кемпбелл! Пишет Вам журналистка Ольга Голубцова. Я узнала трагическую историю жизни Елены Ивановны Ивановой. За любовь к англичанину она провела девять лет в тюрьмах и лагерях. Она не вышла замуж, потому что всегда любила Вас. Одна воспитывала и растила сына Эдуарда. Да, ей пришлось просить Вас о формальном отказе от отцовства, ведь она не могла из-за этого получать пособие на ребенка – такие были у нас жестокие законы. Эдуард умер. Но в Архангельске живет Ваша внучка Ирина, у нее две дочки – Яна и Марина, ваши правнучки. Они очень хотят получить весточку от Вас! Они не виноваты в том, что жизнь раскидала всех вас в разные стороны. Елена всегда жила и жила достойно, хотя горя и слез ей выпало немало. Если Вы захотите написать, адрес Елены: Архангельск, Соломбала, ул. Советская...».

Билл, как и обещал, разыскал Эрика. Встречались они на «нейтральной» территории, втайне от нынешней семьи Кемпбелла. И вскоре Елене Ивановне пришло письмо, которое перевела «маленькая» Вера, Вера Георгиевна Цируль. Мы втроем сидели и рыдали:

«Моя дорогая Елена! Трудно выразить словами мои чувства, когда я услышал от Билла Лоуза о твоих ужасных годах после окончания войны. Я действительно ничего не знал о тех тяжелых испытаниях, которые тебе пришлось вынести из-за меня. У меня нет возможности возместить это теперь. Пожалуйста, знай, что ты была моей первой любовью и мы были очень счастливы вместе, но судьба распорядилась иначе. Мы оба подходим к концу жизни на земле, возможно, мы сможем встретиться на том свете и возместим потерянные годы. Елена, я на самом деле не знал, как сложилось все, но уже ничего нельзя изменить. Надеюсь, у тебя будут еще счастливые дни, проведенные с внучкой (она выглядит очень симпатичной девушкой). Спасибо тебе за фотографии. Я всегда буду помнить о том времени, которое мы провели вместе. С любовью, Эрик».

Под подписью стояло пять крестиков: х х х х х. На языке любви по-английски каждый крестик означает поцелуй.

Впервые за годы своих поисков я сказала: «Лучше бы я его совсем не находила». Было больно как никогда, но Елена Ивановна спокойно посоветовала:

– Не кори себя. Береги сердце!

Когда Билл вновь прибыл в Архангельск, то помчался к Елене Ивановне. Билл плакал о Зине, которую никак не может разыскать, Елена – об Эрике. На прощание Билл обещал еще раз поговорить с Кемпбеллом, но Елене Ивановне это было не нужно:

– Зачем? Жизнь уже не пережить. Тяжело вспоминать годы, которые принесли мне и моей семье столько горя. Но я почему-то часто слышу звуки нашего с Эриком вальса, и они меня уносят куда-то в вечность.

Теперь Лена и Эрик смогут наконец встретиться – на небесах: она умерла, простив за свою горькую судьбу и его, и всех других.

Документы и стихи перевели с английского Галина ЧАРУПА и Татьяна КЛУШИНА. Имена и фамилии некоторых действующих лиц изменены. Автор благодарит за помощь сотрудников регионального УФСБ по Архангельской области В.В. БУЛЫЧЕВУ, Г.Г. БЫЗОВА и В.В. КЛЕМУШИНУ, а также всех, кто откликнулся и поделился воспоминаниями, документами военной поры и фотодокументами. Фото из архива автора

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

ВІДКРИТО ПЕРЕДПЛАТУ НА 2020 РІК

РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ
ИГРА

КОМПЛЕКТ:
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА" +
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК"
ИНДЕКС 49542

3 міс. - 65,25 грн.
6 міс. - 130,50 грн.
12 міс. - 261 грн.

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ на журнал (індекс видання)

(найменування видання) Кількість компл.

на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди (поштовий індекс) (адреса)

Кому: (прізвище, ініціали)

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на журнал (індекс видання)

(найменування видання)

Вартість	передплата	Кількість компл.									
на 2020 рік по місяцях											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий індекс місто село область район вулиця

код вулиці буд. корп. кв. прізвище, ініціали

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»
ИНДЕКС 35257
3 міс. - 37,77 грн.
6 міс. - 75,54 грн.
12 міс. - 151,08 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»
ИНДЕКС 49056
3 міс. - 32,07 грн.
6 міс. - 64,14 грн.
12 міс. - 128,28 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)
ИНДЕКС 37104
3 міс. - 35,34 грн.
6 міс. - 70,68 грн.
12 міс. - 141,36 грн.

На войне как на войне

Сотрудники Института военной истории Игорь ПОПОВ и Валерий ЯРЕМЕНКО знакомят читателей газеты «Совершенно секретно» с некоторыми страницами архивных дел о завершающем этапе войны в Европе, с которых был снят гриф секретности.

Зима 1945-го. Советские войска вступили на территорию Германии, в «логово зверя», как писали тогда газеты.

«Если обратиться к доводам разума, то ожидать немецкой победы уже нельзя, но представить себе немецкое поражение очень уж тяжело, – говорил командир 432-й запасной дивизии генерал-лейтенант Ф. Люббе. – Впрочем, терять немцам уже нечего. Все равно в случае поражения Германия погибнет».

Война с Россией шла вразрез с традициями немецкой военной науки, утверждал командир пехотной дивизии «Бервальде» генерал-лейтенант В. Рейтель. Потенциальная мощь России была недооценена. Больше всего генерала пугали перспективы поражения Германии. Страна перестанет существовать как самостоятельное государство, будет поделена между победителями, и большинство мужчин «направится в рабство». Но самое печальное то, что Германия лишится «нацистской системы управления», наиболее подходящей для немецкого народа. Основной заслугой этой системы является политика «поддержания чистоты расы и вытекающее отсюда признание прав немецкого народа на мировое господство».

Фактически с начала 1945 года Германией правят три человека – Борман, Гиммлер и Геббельс. Гитлер отошел на второй план и находится в крайне тяжелом психическом состоянии, свидетельствует штурмбанфюрер К. Нейхаус, ведавший в имперском руководстве СС вопросами религиозных культов. Возле Гитлера постоянно вертится

некая Кете (Ева) Браун – одна из сотрудниц известного фотографа нацистской партии Г. Гоффмана. Каков характер их связи, никто не знает. Да и о существовании этой связи известно лишь ограниченному кругу лиц. Вообще же, рассуждал крупнейший знаток подноготной германской верхушки, в стране за спиной «влюбленного фюрера творится алчная жестокость», его ближайшие последователи по-прежнему уверены в том, что если ежечасно внушать военным и гражданским непомерный фанатизм, то можно будет «немецким мясом пробить русское железо».

Пропагандистская машина Германии работала на полную мощь. Солдатам и мирным жителям внушали, что у Гитлера есть «новое оружие и новые соединения», что уже весной германская армия перейдет в контрнаступление и отбросит «большевистскую сволочь за пределы Великогерманской империи». А главное – внушалась мысль, что русские хотят перестрелять всех немцев. «Представьте себе, – говорил солдатам лейтенант Петтеер из 20-й танковой дивизии, – что будет с нашими семьями, когда русские придут в наши дома. Они всех уничтожат!»

Антирусская истерия буквально захлестнула Германию. Восемь миллионов немцев, движимые чувством страха и предписаниями фюрера, покинули восточные районы страны. При этом главари рейха настаивали, чтобы жители уносили с собой все ценное имущество, а оставшееся уничтожали, сжигали, продукты делали негодными к употреблению. «На оставленной врагу немецкой земле не должно быть ни пищи, ни крова, – требовал Гитлер. – Всякий нарушивший мою волю будет караться по законам военного времени как изменник родины».

«Немецкие товарищи, мужчины и женщины! Фюрер мобилизовал все силы нашего народа для борьбы во имя уничтожения мирового большевизма, – говорилось в одном из фашистских воззваний. – Даже будущие тяжелые испытания – ничто по сравнению с сибирским рабством. Наш лозунг – победа или хаос».

Вот содержание листовки, которую распространяли в полосе наступления советских фронтов: «Действительность сталкивает нас с чудовищными зверствами большевиков. Они не люди, которых можно мерить масштабами цивилизации. Это дикие орды

с низменнейшими инстинктами и жадной крови, которых мы, немцы, ни представить, ни объяснить себе не можем. Они не знают никакой пощады и получили от евреев и еврейских комиссаров свободу убийств и разрушений на немецкой земле...»

А Красная Армия продвигалась стремительно. Немцы не успевали эвакуироваться и уходили в леса и болота, скрываясь от «неминуемой большевистской кары». В районе Данцига воины 23-й артиллерийской дивизии в одном из сараев обнаружили одиннадцать детей в возрасте от 2,5 до 15 лет и четырех женщин 39–40 лет. Одни с перерезанным горлом, у других вскрыты вены. Те, в ком еще теплилась жизнь, от медицинской помощи откатывались: лучше умереть, чем жить русскими. Единственный мужчина и, как оказалось, инициатор этой акции Эрвин Шварц показал, что руководствовался указаниями фашистской партии – «борись чем можешь и как можешь против

русских войск». И, кроме того, он был уверен, что в округе сразу бы распространился слух, что все это совершили советские солдаты, те самые «орды с жадной крови и мести».

В районе села Медниц, отмечал в одном из донесений член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант К.В. Крайнюков, не успевшие эвакуироваться 58 женщин и подростков перерезали себе вены на руках из страха, что Красная Армия забрет их в сибирскую каторгу. В ряде населенных пунктов были зарегистрированы факты самоповешения. «Немецкое население встречает приход Красной Армии с ужасом и страхом за свое будущее, – резюмировал генерал. – Его отношение к нашим войскам на оккупированной территории остается враждебным. Совершаются террористические акты, в тыл фронта засылаются шпионы и диверсанты. Ведется «отстрел» русских офицеров».

В селе Брайтенмарт, сообщал в Москву начальник политического управления 1-го Украинского фронта генерал-майор Ф.В. Яшечкин, жители перед уходом «выбили все стекла в домах, разбили посуду, распорол подушки. Один дом был цел. В нем нашли три трупа красноармейцев. Как выяснилось, в комнате был накрыт стол, стояли три шнапса, лежали огурцы и сало. В продуктах обнаружен мышьяк в неизвестный яд мгновенного действия».

Советские бойцы и командиры встретились в Польше и Германии с еще одной реальностью – фашистскими лагерями, или, как их еще называли, «фабриками смерти». К началу апреля войска только 1-го Украинского фронта освободили и приняли на учет 102 000 советских граждан и 23 650 иностранных подданных. Из освобожденных советских граждан было мобилизовано в Красную Армию 54 000 человек, репатрировано на родину 10 300 человек, оставлено на «работе по сбору скота и трофейного имущества» 16 300 человек.

«Немец – твой враг», – в течение пяти лет неустанно внушалось советским бойцам и командирам. Неудивительно, что, вступив на территорию Германии, и красноармейцы вели себя как «разнузданные» мстители, а не как освободители.

«Наблюдаются случаи исключительно плохого поведения военнослужащих, – докладывал в политуправление 1-го Белорусского фронта начальник политотдела 8-й гвардейской армии генерал-майор М.А.Скосырев. – Некоторые военнослужащие дошли до того, что превратились в бандитов, расстреливают немцев, насилюют и мародерствуют. К примеру, боец 350-го штурмового полка Максим Федорович П. бродил по расположению части «без долж-

000 марок, две русские (николаевские) золотые монеты по 10 рублей, три браслета, 11 золотых и простых колец, две брошки, перламутровый кошелек, несколько флаконов духов; под шинелью – кожаное пальто. Имелись также две квитанции на отправку посылок в Ворошиловградскую область. Установлено, что боец в целях грабежа ходил по квартирам и забирал у немцев ценные вещи».

Военный прокурор 1-го Белорусского генерал-майор юстиции Л. Яченин докладывал: старший лейтенант Энчиватов в нетрезвом состоянии ходил по домам и насиловал женщин; красноармейцы 157-го отдельного погранполка Иванов и Мананков изнасиловали двух немок. Начальник штаба одного из полков 175-й стрелковой дивизии подполковник Лосев посылал подчиненных офицеров в подвал, где скрывались немцы, и те приводили ему женщин...

В отмеченных случаях рядовые бойцы привлекались к дисциплинарной ответственности, члены ВКП(б) – и к партийной. Отдельные дела передавали в трибунал. Но настоящая борьба с «беззаконием» началась после 20 апреля, когда Сталин подписал специальную директиву за номером 11072, предписывающую решительным образом изменить отношение к немцам – как к военнопленным, так и к гражданским. Жестокое обращение с немцами, отмечалось в документе, вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться.

В соответствии с директивой командующие фронтами спустили приказ: «В самый кратчайший срок навести необходимый порядок, в нужных случаях применяя суровые меры наказания». Армейских командиров обязали довести содержание документа до всего личного состава и каждые пять

В начале мая член Военного совета 3-й ударной армии генерал-майор А.И. Литвинов докладывал Жукову, что «в результате проведенной большой работы коренным образом изменилось отношение наших военнослужащих к немцам и вместе с тем изменилось отношение немцев к нашим бойцам».

Основная тяжесть «разъяснительных мероприятий» ложилась на спецпропагандистов. Инструкторы по работе среди войск населения противника, литераторы и переводчики становились проводниками политики Москвы. Листовки, звуковещательные станции, а позже и газеты на немецком языке были чуть ли не единственным источником информации. Благодаря им население скоро поняло, что русские – нормальные люди, с которыми можно не только общаться, но и восстанавливать разрушенную страну.

Однако вернемся в стан врага. Как воевали, о чем думали и мечтали «непобедимые солдаты» фюрера на собственной земле? «Война на территории Германии морально убивает нас, – говорил унтер-офицер В. Рунте из 359-й пехотной дивизии. – Мы уже забыли, когда на территории Германии велись войны. Мы видели войну на чужой земле, там многое подвергалось уничтожению и разрушению. Теперь то же самое, только в большей мере, происходит на нашей земле... Солдаты остаются в окопах и продолжают упорно сражаться». Почему? Солдаты все еще верили, что они действительно защищают родину, с другой стороны – «солдаты должны бороться. Террор в армии огромен. За отступление и дезертирство – расстрел».

В армейских газетах на видных местах публиковались списки казненных.

обобщал размышления в солдатских окопах рядовой Эвальд Шалленберг из 20-й танковой дивизии, – затем полагались на провидение, которое уберет страну от поражения, наконец, связывали будущее с согласием Англии и Франции выступить совместно против большевизма. Но все пошло прахом. Где уж нам выиграть войну, когда мы не можем остановить русских».

Апатия достигла апогея в ходе Берлинской наступательной операции. С середины апреля 1945 года, признавал адъютант командующего группой армий «Центр» полковник фон Белов, «германские солдаты не хотят воевать, а считают за лучшее разойтись по домам».

Второго мая берлинский гарнизон капитулировал. Перед советским командованием встала задача: восстановить нормальную жизнь в разрушенном городе.

Через несколько дней заработали военные комендатуры, которые должны были обеспечить введение жесткого оккупационного режима для немецкого населения, наведение строгого военного порядка в среде военнослужащих Красной Армии, сбор и охрану трофейного имущества.

При формировании местных органов власти особое внимание обращалось на то, чтобы они состояли исключительно из «лиц антифашистски настроенных». Приоритеты отдавались «членам подпольных организаций, германским коммунистам, социал-демократам, беспартийным рабочим, работникам науки и искусства, другим антифашистам». Учитывали «профессионализм и желание трудиться».

Просто диву даешься, читая донесения и сводки с советско-германского «трудового фронта». К 9 мая пущена первая очередь берлинского метро (6 км), налажено водоснабжение, в отдельных районах города появилось электричество. Открылось 25 кинотеатров (показывали в основном советские фильмы), ежедневно их посещало до 25 тысяч берлинцев. К середине месяца были готовы к открытию драматический и камерный театры, огромный концертный зал; вещали радиоточки, 80-тысячным тиражом выходила местная газета; в 20 районах работали отделения городского банка. Каждый житель ежедневно получал (как правило, из армейских складов) по 200–300 г хлеба, 25 г мяса, 50 г сыра, 50 г смальца, 100 г селедки; дети – полтора литра молока. В считанные дни в почти полностью разрушенном городе удалось открыть детские сады и церкви, парикмахерские и аптеки, хлебопекарню и колбасный завод.

«Отдельные немцы воспринимают наши меры как акт величайшего великодушия», – докладывал в Москву член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К.Ф. Телегин. Более того, когда они узнали откуда-то о возможном переходе в Трептовский район американцев, то стали настойчиво просить берлинского бургомистра «возбудить ходатайство перед русским командованием оставить район за русскими, которые будут лучше обращаться и лучше кормить, чем американцы».

Наряду с лояльностью к советской военной администрации нередко проявлялись и «настроения недовольства». Немцы беспокоились за уцелевшие собственные квартиры, в которые заселяли красноармейцев, не могли понять смысла изъятия радиоприемников, фотоаппаратов. «Но главное, – говорила советским представителям некая Х. Шеффер, – увозится оборудование заводов, которое нам потребуется для мирного строительства».

А потому во всем необходим был строгий учет интересов как советских, так и немецких. Результаты первых недель работы советской военной администрации в Германии в обобщенном виде выразил пастор Эрнст Шлихер: «Мероприятия, проводимые советским командованием, расцениваются немецким народом как справедливые, вытекающие из военных условий».

Раздача хлеба советскими солдатами, май 1945-го

ного воинского вида – шинель в беспорядке, на ремне немецкий кинжал, в руках пистолет, который не положен рядовому, на руках кольца». При обыске в его карманах и голенищах сапог обнаружено: четыре бумажника, игральные карты, 4000 оккупационных марок, 300 польских злотых, два пистолета, машинка для стрижки волос, четыре ножа, двое ручных и одни карманные часы, две лупы, одна золотая монета достоинством 10

дней докладывать по инстанции о проводимых мероприятиях.

Из распоряжения командующего войсками 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукова: «Требуя прекратить самовольное изъятие у немцев их личного имущества, за исключением «неотложных нужд боевых частей»; решительно бороться с «незаконными заготовками продовольствия и мяса». Команданты обязаны «собирать брошенное немцами бытовое имущество и выдавать его частям под посылочный фонд только с разрешения военных советов армий, начальников тылов армий и командиров отдельных корпусов».

«Ефрейтор Гюнтер Шульц, 20 лет, и старший ефрейтор Гейнц Вагнер, 18 лет (штабная рота 832-го пехотного полка), бежали из своего подразделения и через два дня были задержаны в районе дивизионного тыла. 13 февраля оба за дезертирство военно-полевым судом приговорены к смертной казни». Только в Берлине и его пригородах ежедневно, расстреливалось до 30 военнослужащих.

Но солдаты понимали, что любое сопротивление уже не спасет Германию. По мере продвижения Красной Армии рушились последние надежды. «Вначале мы надеялись на сверхмощное оружие и новые части, –

в декабрьском
номере читайте:

- ЧТО ПРИГОТОВИЛ НАМ БЮДЖЕТ-2020
- КАК ГРОМКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРЕВРАЩАЮТ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПИАР
- РЕСЕНТИМЕНТ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

уже
В ПРОДАЖЕ

Свідोцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты армии»

